

РОССИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

А.С.Ахиезер

Каким образом стал возможен глубочайший упадок российской цивилизации, равнозначный национальной катастрофе? Автор, отвечая на этот вопрос, развивает общую концепцию исторического процесса. Этот кризис, по его мнению, сложился на цивилизационном уровне. Страна "застряла" между традиционной цивилизацией, нацеленной на сохранение сложившегося уровня эффективности деятельности людей, и современной либеральной, важнейшей ценностью которой является постоянное массовое стремление повышать результативность деятельности, включая экономическую. Уникальность социокультурной динамики России ставит уникальные вопросы, что требует уникальных ответов и решений.

Исключительная сложность проблем, которые стоят перед нашим Обществом, требует качественного сдвига в изучении механизмов их возникновения и путей разрешения, более глубокого проникновения в закономерности динамики российской истории. Трудность задачи определяется тем, что, как полагают некоторые, "нет повествования более обманчивого, чем повествование о русской истории". Речь идет о том, что "прерванное" продолжается много десятилетий (а то и столетий) спустя в той же точке, как если бы вся русская история была серией трансформаций мифа..." (1). Нужны сложные синтетические теории, носящие иерархический характер, т.е. охватывающие как микро-, так и макро-эволюцию, как философию истории, так и изучение конкретно — исторического процесса (2). Общефилософский пласт необходим, так как он должен выявить некоторую методологическую основу для объяснения и понимания общественных процессов. В книге (3) в качестве такой субстанциональной основы рассматривается субъектно — субъектная производственная деятельность общественного субъекта, направленная на всех уровнях на его превращение в свой собственный предмет, превращающая деятельность в субъектно — объектную, т.е. способную воспроизводить самого себя, все общество на всех его уровнях. На первый план должна выйти способность субъекта идеально и материально преодолевать социокультурные противоречия собственной деятельности, постоянно возникающие между социальными отношениями и культурой.

Важнейшим пластом исследования должна стать философия истории, выявляющая общие закономерности динамики исторического процесса. В качестве третьего пласта следует рассматривать конкретно — исторический процесс, точнее — попытку логически воспроизвести конкретно—исторический процесс на основе своеобразного диалога, вза-

имопроникновения и взаимокритики логики исторического процесса и эмпирического исторического материала. Необходим синтез достижений культурологии, системных исследований, исторической науки, анализа современных процессов в мире, например, модернизации, что позволяет ответить как на старые вопросы, так и на новые, возникающие в связи с беспрецедентными событиями в России в течение XX в.

§ 1. Методология исследования социокультурной динамики

Новые результаты могут быть получены в процессе совершенствования методологии. Для анализа динамики общества целесообразно использовать достижения воспроизводственного подхода, представления о существовании двух основных типов воспроизводства статичного и интенсивного, а также деструктивного воспроизводства.

Опираясь на проделанный ранее теоретический анализ типологии воспроизводства, воспроизводственный подход углубляется вплоть до установления органической связи типов воспроизводства с основными типами цивилизации в обществе (4). Традиционной цивилизации присуще господство статичного воспроизводства, т.е. нацеленного на поддержание общества; всей системы сообществ, каждого из них, культуры, социальных отношений, личности в соответствии с некоторым идеализирующим прошлое представлением. Оно рассматривается как абсолютное, неизменное, даже если оно, изменяется.

В либеральной цивилизации господствующее положение занимает интенсивное воспроизводство, которое характеризуется стремлением воспроизводить общество, культуру, постоянно углубляя ее содержание, повышая социальную эффективность, жизнедеятельность. Россия в своем историческом развитии вышла за рамки традиционной цивилизации, встала на путь массового, хотя и примитивного утилитаризма. Но, тем не менее, не сумела перейти за границу либеральной цивилизации (5) Это означает, что Россия занимает промежуточное положение между двумя цивилизациями, что позволяет высказать идею о существовании особой промежуточной цивилизации, сочетающей элементы социальных отношений и культуры обеих цивилизаций. Трагические события, разыгрывающиеся в этой неорганической цивилизации, стимулируют выдвижение на первый план деструктивного воспроизводства.

Динамики страны, находящейся между двумя типами цивилизации, приобрела в процессе самоусложнения общества конфликтный, саморазрушительный характер. Для анализа этой проблемы могут быть использованы достижения структурализма, который для этого интерпретируется в динамичном ключе (6), для разработки механизма динамики культуры и социальных отношений. В этой связи интересны исследования А.Золотарева, часть которых до сих пор не опубликована. Он писал, что каждый род — "замиренная среда" (7). Отношение между двумя такими родами амбивалентны. Они, с одной стороны, стремятся к некоторым общим социальным целям, совместно выступают на охоте, в войнах, на праздниках. Но, с другой стороны, они соперники, чужаки. Между ними возникают ритуальные драки, культивируются насмешки. Их существо —

вание немислимо без разнообразных форм взаимопроникновения. Они воспроизводят себя через воспроизводство конструктивной напряженности во всех формах. Прогресс или регресс общества связан с изменением масштабов этих "сред" конструктивной напряженности, с изменением в механизмах воспроизводства амбивалентности между ними. Тем самым, общий методологический принцип, рассматривающий реальность в динамике дуальных оппозиций, приобретает принцип познания как развитие культуры, так и социальной динамики, воспроизводства, самого человеческого действия. Подобный синтетический подход открывает путь для разработки логических форм, которые сами выступают как формы мышления и одновременно массового человеческого действия, как формы созидания и разрушения социальных отношений, динамики общества. В этой связи ключевыми являются категории инверсии и медиации (8), каждая из которых представляет собой определенную логическую форму динамики культуры, процесса осмысления, в конечном итоге форму динамики общества. Для инверсии характерна напряженная направленность деятельности на воспроизводство определенного типа общества. В условиях господства инверсии мышление и деятельность направлены в основном на господство прошлого над будущим (т.е. экстраполяция накопленного богатства культуры на новую ситуацию), господство структуры над функцией. Господство в инверсии в каждый момент времени не делает необходимым долго и мучительно выработать принципиально новые решения, но открывает путь быстрым, логически мгновенным переходам от настоящей ситуации к идеальной, которая, возможно в новых одеждах, воспроизводит некоторый элемент уже накопленного культурного богатства. В качестве инверсии выступает логически моментальное переосмысление того или иного явления как зла, что является одновременно отходом от осмысления его как добра и наоборот. Инверсия выступает как социальный феномен, как массовый взрыв народного негодования, направленный на то, чтобы смести всех, кто разрушает, или кажется, что разрушает, привычные формы жизни, превращает их из комфортных в дискомфортные.

Логика медиации, наоборот, предполагает поиск меры между полюсами дуальной оппозиции. Конструктивная напряженность человеческой деятельности, ориентированной медиацией, нацелена на формирование некоторого третьего, преодолевшего противоположность полюсов. Медиация есть отказ от абсолютизации полярностей и максимизация внимания к их взаимопроникновению, к их существованию друг через друга. Медиация возникает вместе с культурой, существуя на заднем плане инверсии. Медиация, по Леви—Строссу, есть некоторое третье — "нахождение среднего звена (медиация) между этими двумя антагонистическими членами противопоставлений" (9). Медиация стремится к преодолению ограниченности исходной оппозиции, выходу на качественно новый виток. Тем самым, создаются новые смыслы, новые пласты культуры, новые дуальные оппозиции, новые системы этих оппозиций, качественно новые отношения, новый уровень воспроизводственной деятельности, развивается личность, отношение общества и личности, формируется динамика исторического процесса.

§ 2. Раскол культуры и социальных отношений

Движение страны между двумя основными цивилизациями приобрело конфликтный, неорганический характер, получивший свое яркое воплощение в сложном явлении, которое можно назвать расколом. Это понятие в явном и скрытом виде было важным содержательным элементом у русских мыслителей. Раскол — патологическое состояние общества, характеризующееся противоречием между культурой и социальными отношениями, между субкультурами одной культуры. "На Западе сложилось принципиально более благополучное соотношение между культурой и формами социальных взаимосвязей, замыслом и его воплощением, мыслью и делом" (10). Раскол может возникнуть тогда, когда общество оказывается не в силах преодолеть противоречие между культурой и социальными отношениями и пытается к этому противоречию адаптироваться. Существование зрелого раскола можно констатировать еще со времен Петра I. В условиях раскола общество постоянно балансирует на грани необратимой дезорганизации. Для раскола характерен заколдованный круг, т.е. активизация позитивных ценностей в одной из двух частей расколотого общества, что приводит в действие силы другой части общества, отрицающие эти ценности. Активизация ценностей прогресса и развития, стремления идти по пути модернизации может активизировать статичные традиционалистские ценности определенной части народа. Вместе с тем, активизация ценностей традиционализма толкает часть общества к просветительским ценностям, к борьбе за прогресс. Иначе говоря, стремление каждой из расколотых частей общества порождает двойной эффект бумеранга, т.е. обоюдное стремление этих частей действовать в противоположном направлении, "в лоб" друг другу, парализуя и дезорганизуя друг друга.

На возникновение раскола еще в Киевской Руси указывал Г.П. Федотов. Его истоки коренятся весьма глубоко. Американский историк Р.Пайпс писал, что при варягах общество характеризовалось "необычайно глубокой пропастью между правителями и управляемыми. В Киевском государстве и в киевском обществе отсутствовал объединяющий общий интерес, государство и общество сосуществовали, сохраняя особые обличия и вряд ли чувствовали какие-то обязательства друг перед другом". В этом обществе "необыкновенно глубока пропасть между держателями политической власти и обществом, и собственническая, вотчинная манера отправления державной власти" (10а). В том же направлении действовал длительный период враждебности и церкви к народной культуре. "Нечестивая" языческая традиция, куда входили значимые элементы образа жизни, оценивалась как угроза господству, господствующей идеологии" (11). Этот мотив красной нитью проходит через всю древнерусскую литературу, например, в "Повести временных лет". Значимой предпосылкой раскола было замеченное еще славянофилами преобладание догосударственных ценностей в народе. "Русский народ по преимуществу есть народ не государственный" (12). В качестве еще одной исторической предпосылки раскола можно считать стойкое негативное отношение к профессиональной торговле. Посредническая торговля меньшинства рассматривалась большинством как нравственно ущербная деятельность. Разумеется, под

давлением власти русский крестьянин должен был выполнять различного рода обязательные платежи, постоянно обращаться к рынку за деньгами. Но чем больше он вынужден был это делать, тем сильнее росло негативное восприятие товарно-денежных отношений, когда их масштаб переходил некоторый ограниченный уровень.

Раскол, противоположно направленные ценности поляризуются в разных социальных группах. Механизм взаимопроникновения ценностей, возможности диалога при этом крайне ослабляются. Раскол может перерасти в конфликт, группы могут превращаться друг для друга в носителей зла, в причину дискомфорта состояния. Для народа такими группами может быть "начальство", для начальства "несознательные элементы, попавшие под влияние чуждых, враждебных сил" и т.д. Раскол исключает общее согласие по поводу масштабов, направленности значимых изменений в обществе. Раскол приобретает весьма разнообразные формы: между обществом и государством, между народом и правящей элитой, народом и духовной элитой, между этими элитами, внутри акта принятия сложных решений и т. д. Раскалывается народная почва, раскол проходит между защитниками частной инициативы и традиционной уравнильностью. Раскалывается каждая личность. Возникает конфликт ценностей, как отказ от внутренней последовательности в решениях и действиях при разрешении сложных проблем. Раскол может иметь место между городом и деревней. Исследования показывают, что время от времени сравнительно мирное взаимодействие между столичной политической субкультурой и провинциальной сменилось острым противостоянием, которое определило смену реформ и контрреформ в России (13а). Для возникновения раскола нужна особая ситуация, когда сложность общества значительно опережает его способность идти по пути медиации, когда ее рост значительно отстает от потребностей и инверсия имеет неподобающее ей значение при решении сложных проблем. Раскол — свидетельство отсутствия жизненно важного ресурса для воспроизводства, для осуществления социального субъекта. Опасность раскола в том, что он разрушает, разваливает нравственное единство общества, саму основу для воспроизводства этого единства, отсутствие которого открывает путь разрушению, конфликту, дезорганизации, катастрофе. Раскол означает, что в обществе сама его нравственная база, программа воспроизводства, всегда имеющаяся в культуре, в нравственности находится в состоянии дезорганизации, распада. Содержание и изменение нравственных идеалов в обществе, их динамика, противоречия, возникающие как между нравственными идеалами, так и внутри каждого из них, между нравственным идеалом и социальными отношениями в конечном итоге выступают как противоречия внутри воспроизводственной деятельности, внутри воспроизводственной программы.

§ 3. Нравственные идеалы и их динамика

Категория раскола имеет смысл лишь в одном случае, когда существует некоторая жизненно важная ее противоположность, которая расколом разрушается. Ею является нравственная система, составляющая сердцевину культуры, пронизывающая все общество и как элемент куль—

туры, несущая в себе программу воспроизводства общества. Ее воплощение должно обеспечить единство людей, объединенных общей нравственностью, должно воплощать систему интеграторов общества, включая государство.

Исходным нравственным идеалом является догосударственный синкретический вечевой идеал, господствующий в традиционном обществе. Этот идеал в результате усложнения общества, в особенности объединения племен, возникновения государства расчленяется на два амбивалентных, т.е. взаимопроникающих, взаимоисключающих, взаимодополняющих, взаимопереходящих друг в друга. Между ними возможно возникновение идеала всеобщего согласия, который как бы пытается избежать крайностей соборного и авторитарного идеалов.

Первичной организационной формой соборного идеала является собрание членов сельского мира, глав семей, входящих в локальное общество, несущих в себе первичность "Мы". Соборность, как считали славянофилы, это свободная братская общность, истоки которой можно видеть в древних традиционных сообществах, в частности, в территориальной крестьянской общине. Затем она воплотилась в идее коллективизма как идеала образа жизни, управления, форм собственности и т.д. Этот идеал пронизывает всю историю страны, создавая основу для воспроизводства соответствующих форм жизни — от локальных образований до общества в целом. На его основе может существовать стремление воспроизводить общество—общину во главе с вечем. Это стремление может существовать в более сложных сообществах, где оно приобретает форму собрания глав основных сообществ, руководителей "всех частей государственного управления, представителей всех ведомств" (14). На соборности основаны советы с их нерасчлененностью законодательной и исполнительной власти. Престиж каждого из членов такого руководства определяется влиянием, силой и престижем руководимого им на авторитарной основе локального мира.

Авторитарный идеал возникает как абсолютизация монолога в противоположность диалогу, абсолютизация роли главы патриархальной семьи, главы древнего локального сообщества. Именно такие представления экстраполировались при формировании, воспроизводстве государственности на первое лицо, т.е. князя, генерального секретаря и т.д. Авторитаризму свойственен страх перед разнообразием, стремлением подавить его неконтролируемый рост, усилить централизацию решения и т.д. вплоть до установления крепостничества в масштабе общества. Авторитарный идеал, в свою очередь, переходит в соборный: "Прежние государи искали творить не свою власть, но выражать соборную совесть народа" (15). Эти идеалы несут в себе явные признаки происхождения от тотемизма. При этом в качестве тотема может рассматриваться как первое лицо, так и все общество (16), а отношение между обоими идеалами — через дуальную оппозицию: приобщение — отпадение.

Внутренние противоречия воспроизводства, однако, стимулируют возникновение новой нравственной основы, прежде всего утилитаризма, который связан с возрастанием ценности повседневных благ, в первую очередь материальных, со стремлением искать новые средства для осуществления новых целей, превращать среду в бесконечный набор реальных

и потенциальных средств. Утилитаризм происходит из древних форм общения, из коммуникаций, из циркуляции ценностей. Он развивается от умеренного к развитому. Первый характеризуется стремлением увеличить получение благ путем их уравнительного перераспределения, кражи, захвата, нищенства, социального иждивенчества, нажима на потенциальных благотворителей и т.д. Он неотделим от собирательства (стремления не столько произвести, сколько достать) и уравнительности. Развитому же утилитаризму свойственно осознание связи между ростом благ и собственной деятельностью по их добыванию, производству. Он требует развития личности и, в конечном итоге, является отдаленной предпосылкой развития либерального нравственного идеала. Последний также играет возрастающую роль в обществе, будучи нацелен на изменение уже не столько средств, но и самих целей воспроизводственной деятельности.

Существуют и иные нравственные идеалы: идеал всеобщего согласия (17), представляющий собой некоторый промежуточный идеал, результат задержки инверсии, перехода между соборным и авторитарным идеалами: либеральный нравственный господствующий в либеральной цивилизации, утилитарный нравственный идеал. Существуют также гибридные идеалы, как бы склеенные из других идеалов, например, соборно — либеральный идеал, а также либерально — авторитарный, либерально — почвенный (18) и т.д. Их динамика и сложные соотношения на разных этапах составляют нравственное основание сложного воспроизводственного процесса субъекта — сообщества, общества в целом.

Различие нравственных идеалов резюмируется в различных воспроизводственных программах, посредством которых различным образом должно быть воплощено единство некоторого Мы, возможно, общества в целом, некоторого локального мира, народа и т.д. Он несет в себе некоторый массовый принцип соединения и разъединения людей, основу их массовой деятельности. Каждый из нравственных идеалов воплощает в себе возможность стать особой основой для интеграции общества, разумеется в том случае, если он станет ценностью личностей данного общества. Проблема этих идеалов заключается не только в том, каким образом каждый из них реализуется в системе социальных отношений, но и в том, каким образом может осуществляться интеграция, если в обществе прочно укоренились разные идеалы.

§ 4. Глобальные периоды и этапы динамики

Как инверсию, так и медиацию можно рассматривать как логическую клеточку мышления, одновременно акт массового действия, реализующего некоторую воспроизводственную программу. История постоянно формируется повседневной деятельностью миллионов людей, следующих определенной логике. Она нацелена на преодоление инверсии, а, возможно, и возврата к ее, казалось, уже пройденному уровню. На любом уровне человеческого действия ведущей является одна из этих форм, тогда как другая оттесняется на задний план, где она ожидает своего звездного часа как скрытая мутация. В условиях раскола логика инверсии и медиации разделены расколом, что является одним из важнейших проявлений промежуточного характера динамики России, раздираемой ценностями

двух основных цивилизаций. Это неорганическое сочетание логики инверсии и медиации приводит к неорганичности динамики страны. С одной стороны, миллионы актов человеческих действий, сливаясь на единой нравственной основе, периодически колебались от одного нравственного основания к другому, от одного полюса дуальной оппозиции, распавшегося вечевое идеала к противоположному. Но одновременно скрытая и медленно работающая медиация, накопление культурного богатства постоянно смещали, деформировали эти инверсионные колебания. В целом это превращало динамику России в сложные глобальные модифицированные инверсионные циклы. Каждый цикл состоял из этапов. Смена одного этапа последующим происходила благодаря тому, что постепенно господствующий нравственный идеал выявлял свою функциональную несостоятельность как основу программы воспроизводственного процесса, превращая привычный, комфортный мир миллионов в чуждый дискомфортный. Переходя определенный порог, она неизбежно стимулирует массовый поворот к господству противоположного идеала, например, от соборного к авторитарному или наоборот. Господство в обществе альтернативного идеала создает, по крайней мере в тенденции, массовое комфортное состояние. Однако, опыт истории показывает, что и на основе нового идеала неизбежен кризис, приводящий к росту дезорганизации, а в некоторых случаях к национальной катастрофе, что вызывает новую массовую инверсию, как будто возвращающую общество в исходную точку, что отражает своеобразный страх общества "перед ужасами истории" (19). Однако, цикл составляет не два этапа, как результат прямой и обратной инверсии, как можно было бы предполагать, если бы динамика носила чисто инверсионный характер. В действительности, обратная инверсия никогда не приводит к полному восстановлению исходного состояния. Крайне важно, что в этих смещениях можно искать определенные закономерности, где скрыты движущие силы конкретно — исторической динамики. Существование подобных сдвигов приводит к тому, что цикл, состоящий из прямой и обратной инверсии, превращается в некоторый глобальный модифицированный инверсионный цикл или, если его рассматривать как конкретно — исторический процесс, как глобальный период (20), т.е. как история, охватывающая полный и версионный цикл. Инверсионный модифицированный цикл и, следовательно, глобальный период включает первый полупериод, т.е. прямую инверсию и второй полупериод — движение обратной инверсии. Первый глобальный период в истории страны начался вместе с основами государственности. Он связан с распадом господствующего догосударственного вечевое идеала, попыткой построить государственность, большое общество, т.е. общество, где все люди уже не могли знать друг друга в лицо, не могли воспроизвести свое единство на чисто эмоциональной основе. Первый полупериод развивался от господства массового соборного идеала до господства авторитарного в его крайних формах. Историк С.Соловьев рассматривал этот процесс как формирование государства в борьбе с родовыми отношениями. Движущей силой первого полупериода было стремление построить государственность по образу и подобию вотчины. "Российская государственность с самого начала приобретала решительно вотчинный характер, корни которого лежат не в отношении между государем и подданным, а между сеньорами и

полусвободной рабочей силой". "Российская монархия выросла прямо из порядка власти удельного княжества" (21). Однако нефункциональность, банкротство крайнего авторитаризма, превращение общества, оказавшегося под его господством в дискомфорте, возбудило обратную инверсию. Началось мощное движение от господства авторитаризма к господству соборного идеала. Это движение было результатом снижения ориентации на государственность, разочарования в ней. Началась активизация локальных соборных ценностей. Результаты дознания: "Какие понятия имеют крестьяне о свободе", представленные Министерству внутренних дел в 1852 г., раскрывают содержание массовых крестьянских представлений:

- 1) "государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходах", которые включают судебные функции по гражданским и уголовным делам;
- 2) отказ от уплаты подушных податей, от земских и рекрутских повинностей;
- 3) "денежное имущество, т.е. капиталы, должны быть уравниваемые между бедными и богатыми крестьянами";
- 4) "землями владеет чернь, а не помещики".

По словам автора записки, подобные идеи господствуют повсеместно, "начиная от гор. Владимира, во Владимирской, Нижегородской, Костромской, частью в Казанской и Вятской губерниях" (22). Следовательно, активизация основной массы населения шла в направлении воспроизводства догосударственных, дофеодальных отношений. Эта тенденция сдерживалась, корректировалась, однако, верой в царя, носящей по своей природе тотемический характер. Государственность существовала, опираясь на массовую веру крестьян, что она служит царю, выполняет его волю. Однако возрастающая активность архаичных ценностей, направленность обратной инверсии делало эту нравственную основу государственности весьма эфемерной, угрожало катастрофой. Крестьянство усиливало борьбу с государством, отказываясь от его поддержки в своей повседневной деятельности, опираясь на свои дофеодальные, догосударственные позиции.

Первый глобальный период включав в себя семь этапов:

1 этап. Господство раннего соборного нравственного идеала от князя Олега до удельной Руси. Этот этап закончился первой национальной катастрофой.

2 этап. Господство раннего умеренного авторитаризма от Ивана Калиты до Великой смуты. Этот этап закончился второй в истории страны национальной катастрофой.

3 этап. Господство раннего идеала всеобщего согласия от смуты до царствования Алексея.

4 этап. Господство крайнего авторитаризма от конца царствования Алексея до Анны Иоановны.

5 этап. Господство позднего идеала всеобщего согласия от 1762 (вольность дворянства) по 1825 г. (восстание декабристов).

6 этап. Господство позднего умеренного авторитаризма царствование Николая I.

7 этап. Господство позднего соборного идеала, приобретшего форму соборно—либерального. Окончание первого глобального периода привело к

краху государственности, к третьей в истории страны национальной катастрофе.

Развитие медиации тормозит инверсию, порождает вялую инверсию, замедляет инверсию, затягивая ее во времени. Прямая и обратная инверсия "превращается в тройной переход". Например, переход от соборного к крайнему авторитаризму испытывает дополнительные колебания от соборного к раннему авторитаризму. Это колебание компенсируется отходом от авторитаризма к идеалу всеобщего согласия, и лишь после этого общество переходит к крайнему авторитаризму. Следовательно, прямая модифицированная инверсия включает семь состояний (именно семь, а не восемь), так как крайний авторитаризм, составляя последнее состояние прямой инверсии, одновременно является первым состоянием обратной" (23).

Конец первого глобального периода; гибель государственности вызвала рост массовой дезорганизации, гражданскую войну, что послужило стимулом возникновения новой инверсии, нового глобального периода, вызвало повторение цикла, этапов, однако, в новых условиях. Новизна этих условий, определенный уцелевший потенциал медиации оказался достаточно большим, чтобы наложить специфический отпечаток на новый период, прежде всего значительное ускорение смены этапов. Однако, эта специфика оказалась не столь значительна, чтобы преодолеть инерцию истории, уклониться от разрушительных циклов, превратить медиацию в ведущую логическую форму массовой воспроизводственной деятельности и оттеснить логику инверсии на задний план.

Как бы ни расценивали события современники, обобщенный опыт истории страны свидетельствует о том, что в циклах проявляется смена основополагающих принципов жизни, стихия соборного мятежа сменяется подавляющим авторитаризмом и наоборот. Налицо своеобразный "авторитарно — вечевой разгул" (24), способный уничтожить самое себя. В этих условиях выявляется иллюзорность представления о государстве в России как своеобразном демиурге истории. Реально на протяжении первого глобального периода оно трижды разрушалось под ударами снизу, показав тем самым, что то, что принимается за силу государства, в действительности является видимым проявлением общей слабости ценностей государства в массовом сознании. Слабость государства в России заключается в том, что бюрократия берет "на себя обеспечение, контроль, поддержание всех основных функций общественной жизни, что, в конечном итоге, порождает потоки дезорганизации. Государство не является определяющим субъектом истории страны

§ 5. Второй глобальный период

Окончание первого глобального периода было связано с громадной разрухой, нравственным упадком, ростом ожесточенности широких кругов населения, что не способствовало массовой рефлексии, необходимой для преодоления исторической инверсии. Страна стала на путь повторения исторически сложившихся циклов, закрепляющих преобладание логики инверсии.

Первый глобальный период окончил свое существование в результате роста массового дискомфортного состояния, которое относилось не только к последнему этапу. Оно было также результатом разочарования в исторически сложившемся государственном порядке в целом. Он, с точки зрения основной части населения, не смог сохранить справедливость уравнительности, так как царь, который уже давно рассматривался как антихрист, слился в сознании народа с ненавистным начальством, государством, чиновником. Основная часть населения в возрастающих масштабах оставила государственность без поддержки своей воспроизводительной деятельности, обрекая ее на саморазрушение, беспомощность. На развалинах старого мира произошел выброс, вознесший к вершинам власти слабо рефлектирующие цели романтиков—доктринеров, умевших говорить народу именно то, что он хотел слышать от своего тотема. Романтизм был, однако, недостаточно эффективен для управления в расколотом обществе и первый эшелон правящей элиты был истреблен следующим, который превратил в предмет утилитарного манипулирования не только мысль, но жизнь миллионов.

Господствующее положение занимала уравнительная архаическая культура. "Спонтанно —автоматически" ("естественно—автоматически", "естественно — исторически") пошла мощная волна "упрощения культуры" (25). Вождем такого движения мог быть человек, который обладал, как сказал Г.Плеханов о Ленине, "невероятным даром упрощения" (26), по крайней мере, при обращении к народу, к партии, к аудитории. Крайне любопытно, что реально борьба шла не столько против капитализма, сколько против независимости от государства. В центре была дуальная оппозиция: государственное — частное (см., например, (27)). Ожесточенная борьба шла вокруг разных вариантов уравнительности, как в сфере политической борьбы (28). Массовое стремление к уравнительности носит ментальный характер. По народным представлениям, существует "грех против уравнительности мирского правопорядка, который становится особенно тяжким, когда нарушаются межи, являясь грехом и против матери—земли" (29). Стремление к уравнительности не знает предела. Всегда есть возможность выделить новые признаки нарушения уравнительности, все более тонкие, менее уловимые. Ажиотаж уравнительности после 1917 г. доходил до крайних форм, до ежегодных переделов земли, что удивляло даже выходца из крестьян М.Калинина. Переделы стимулировались неудовлетворенностью "крестьян дележкой даже на самых справедливых, по их мнению, началах. Вера в возможность справедливого и равного наделения всех толкала крестьян к новым переделам" (30). Это стремление превзошло всякий реальный предел.

Все это показывает, что переворот 1917 г. вовсе не был рабочей революцией, установившей новый, более прогрессивный по сравнению с капитализмом, социальный и политический строй. Природа его иная. Капитализм подавлял феодализм (31), феодальными, племенными отношениями. В перевороте четко просматривается пласт активизации древних дорыночных, доторговых ценностей, направленных против попыток выйти на путь современной цивилизации. Все это, однако, не исключало существования глубокой специфики, которая началась с переходом власти к большевизму. В основе первого глобального периода лежала национальная

идея, господство народной Правды, принимавшей разнообразные формы: имперской идеи, идеи Москвы как третьего Рима. Национальное самосознание приобретало формы православия и т.д. Те или -иные идеи могли реализовываться как гигантская экспансия страны во всех направлениях, что отражало постоянное стремление бедного общества решать свои проблемы экстенсивными методами, в значительной степени механической попыткой включать в сферу своего влияния внешние ресурсы.

Важнейшая особенность старого периода заключалась в новых методах приспособления к расколу. Противопоставляя себя прошлому как дискомфортному состоянию, общество в собственных глазах казалось полной противоположностью своей истории. Тем самым оно тяготело к своему началу, к синкретизму с его догосударственными представлениями. Уже здесь выявилась парадоксальность нового общества, глубочайшее противоречие между его самосознанием, содержанием ставших господствующими уровней культуры и реальным содержанием нового общества, которое давно отошло от синкретизма. Однако, синкретизм сохранился на уровне ценностей, массовых стремлений реальных попыток создать общество—общину на основе натуральных отношений. Возникла нужда в слове, способном убедить всех не только в возможности, но и в необходимости этой попытки. Это заставило новое общество сформировать совершенно особую идеологию, которую можно назвать псевдосинкретизмом (32). Значение Ленина заключается в том, что он открыл существование нравственного идеала, позволяющего соединять содержание массового сознания с государством в сложных условиях расколотого общества. Исходной ценностью государственности первого глобального периода была вотчина. Ее культура, организационные формы экстраполировались на возникающее государство, выступая для него как некоторая программа воспроизводства. Ленин разделял "основное заблуждение интеллигенции" (33), т.е. веру, что народ, если его освободить от угнетения начальства и эксплуататоров, сам быстро наладит жизнь общества. Конкретное воплощение этой идеи заключается в абсолютизации советов.

Для Ленина социализм — "живое творчество масс" — вот основной фактор новой общественности (34). Советы для него являются социальным и одновременно культурным воплощением творчества революционного народа. Советы — клеточка нового общества, его сущность. Эта клеточка противоположна вотчине — воплощению авторитаризма прошлого общества. Советы являются уникальной специфической формой самоуправления возбужденных или, как считал Ленин, революционных масс. Советы не приживались в других странах, где они возникали под влиянием событий в России. Совет в своей первоначальной форме — общинный соборный институт, орган управления локального сообщества. Он совершенно не приспособлен для решения проблем, выходящих за узкие горизонты сообщества, в которых все непосредственно знали друг друга.

Собственно, советы были лишь одной из форм соборных институтов того времени. Другой формой был рабочий контроль, который также рассматривался как революционная власть трудящихся над производством. Их решения должны были быть обязательными для администрации. Однако, в большом обществе они оказались нефункциональными. Они привели, прежде всего, к "двоевластию", которое, как и всякое двоевластие, по-

рождало дезорганизацию. Необходимо было вступать в диалог с отдаленными финансовыми центрами, подчас находящимися в столицах, за рубежом. Кроме того, "на многих предприятиях появлялась тенденция истолковывать рабочий контроль как исключительное право собственности на данную фабрику или завод, то есть по своему усмотрению распоряжаться произведенной продукцией, нарушать общие установления, отстаивать интересы лишь собственной группы или — самое большее — собственного города и собственной отрасли, резко разрывая установившиеся производственные связи" (35).

Ленин создавал официальную идеологию нового общества, опираясь на реальную организацию антиотчинного, антиавторитарного типа. Эта исходная мифологическая форма нового общества противоположна исходному самоосмыслению прошлого глобального периода. Это свидетельствует о том, что второй глобальный период является инверсионной противоположностью первого. Это подтверждается тем, что элитарное самосознание первого глобального периода, что видно по трудам ведущих историков страны того времени, искало в истории авторитарную власть царя. Реально, однако, динамика первого глобального периода, как и второго, содержала оба полюса исходной дуальной оппозиции. История периодически перечеркивала свое собственное начало.

Дуальная оппозиция: соборность—авторитаризм, как и любая другая дуальная оппозиция, носит амбивалентный характер. Это означало, что любая клеточка активизации соборности может мгновенно обратиться своей авторитарной стороной как по отношению к инстанциям, подчиненным данному совету, так и по отношению к авторитаризму высших органов власти. Последующая история страны показала, что все соборные институты: советы, рабочий контроль, профсоюзы, кооперативы и т.д., столкнувшись с собственной нефункциональностью, мгновенно превращались в свою противоположность. Отношение Ленина к этой амбивалентности раскрывает сердцевину его идеологии. Внутренняя двухполюсность, амбивалентность отрицалась, т.е. рассматривалась как нечто неправомерное, подлежащее преодолению. Отрицание амбивалентности было попыткой вернуться к синкретизму, скрыть пропасть между двумя полюсами, разделенными расколом. Это не синкретизм, а его имитация — псевдосинкретизм. По сути дела, это была скрытая попытка приспособиться к расколу, попытка сделать его как—бы невидимым, превратить в тайну существование двух полюсов, между которыми лежала бездна. Раскол, как и разномыслие, собственно, не отрицалось как некоторое эмпирическое явление. Однако, если в либерализме разномыслие рассматривалось как необходимое проявление общества, как форма самовыражения разных групп, слоев, каждой личности, как необходимый элемент их воспроизводства, то в новой идеологии оно рассматривалось в манихейском духе как негативное явление на фоне абсолютного противопоставления Правды кривде. Полюса разномыслия рассматривались как абсолютно враждебные, взаимоуничтожающие друг друга (добро абсолютно противоположно злу, рабочие — буржуазии и т.д. до бесконечности). Реально правомерен лишь один полюс, тогда как другой, по крайней мере в тенденции, не имеет права на существование. Получается нечто вроде высшего без низшего, света без тьмы и т.д.

На основе эмпирического признания и метафизического отрицания существенных различий возникла особая ленинская модель общества. Она состояла, по крайней мере, из трех элементов: буржуазии, мелкой буржуазии, т.е. практически крестьянства и пролетариата (36). Эта модель носила чисто манихейский характер, так как здесь буржуазия и пролетариат рассматривались как крайности, не знающие амбивалентности, взаимопроникновения. Стремление Ленина к крайностям было средством (а не самоценностью для решения политических задач в обществе, склонном к крайностям. На слова, что его политика крайностей заводит "черт знает куда", Ленин отвечал: "И прекрасно... Это вода на мою мельницу" (37). Он утверждал: "Буржуазная или социалистическая идеология: середины тут нет..." (38). Так как буржуазия господствовала в старом обществе, то, следовательно, это она была сферой господства зла, против которого выступает носитель исторической миссии добра, т.е. пролетариат, руководимый сакральным центром, т.е. партией, ее вождями. Наиболее сложное положение в этой системе представлений занимало крестьянство, которое, под влиянием своего менталитета, по своему удельному весу занимало господствующее положение в обществе. Оно, по Ленину, носит двойственный характер, т.е. постоянно колеблется между "мы" и "они", пребывает между отпадением от высшей Правды и слиянием с ней. Отсюда необходимость партии, рабочему классу помочь крестьянству встать на "правильный" путь, т.е. всем слиться в единой Правде в одной сакральной точке идеального общества.

Эта мифологическая модель, хотя и выдавалась за результат "научного коммунизма", не соответствует накапливаемой о России информации буквально по всем параметрам. Основная борьба в России шла не между рабочими и буржуазией, но между крестьянством, которое, начиная с момента выявления несостоятельности крайнего авторитаризма, боролось за свое освобождение от давления государства и вотчинной власти и не было склонно в своей большей части углублять товарно-денежные отношения выше некоторого ограниченного уровня, превращать их в господствующие в обществе (39). Эта ленинская модель носит внутренне напряженный характер. Ее пафос заключался в достижении синкретизма, т.е. слияния всех различий в обществе, кроме носителей зла, в единой сакральной точке.

Ленинская идеология носила утилитарный характер. Например, массовые представления крестьян расценивались не только как предмет воздействия, но и как средство обеспечения идеалов синкретизма, укрепления интеграции. Крестьянские представления рассматривались не в их самоценности, но с точки зрения возможности использования для внешних целей. Любая позиция, не совпадающая с точкой зрения сакрального центра, либо сокрушалась силой, либо принималась как своя с тем, чтобы убедить ее носителей слиться в нерасчлененном синкретизме. Например, Ленин постоянно старался идти навстречу ценностям крестьянства, используя эффект парусника (40), опирался на крестьян для решения задач, которые часто в непосредственном виде, возможно бы, поддержку не получили. Внутренняя трагичность ленинской модели, превращающейся в утопическую, заключалась в том, что в стране не было сил, чтобы тянуть все общество в эту сверкающую сакральную точку высшей

Правды. В конечном итоге нельзя забывать, что власть большевиков в деревне была "незначительной" (41). Попытка Сталина удесятерить это влияние, опираясь на массовую волну уравнительности, которая задолго до него подавляла наиболее активные и производительные силы в деревне, привела к неисчислимым жертвам и не могла вырвать культуру в сельском хозяйстве из того, что многие авторы называли "первобытным земледелием" (в разные формы это понятие использовалось многими авторами (42). Причины этой отсталости сельского хозяйства уходят в глубины истории (43).

Важная особенность нового строя заключалась в том, что он был реакцией инверсионного типа на дуализм старой системы. Общество второго глобального периода пыталось сочетать в себе, с одной стороны, государственную монополию на хозяйственную деятельность, основанную на доэкономическом традиционализме, и, с другой стороны, на развитии частной инициативы, товарно-денежных отношений, а затем и капиталистических отношений. Буржуазия, развивающаяся спонтанно, т.е. пытающаяся работать на рынок, относительно независимая от власти, была стиснута массовым традиционализмом и архаичной властью. Ее деятельность была "не столько предпринимательством буржуазного типа, сколько паразитированием на внешних формах капиталистического промышленно—финансового механизма... Средний предпринимательский слой был слаб и незначителен... Немногие более развитые предпринимательские элементы тонули в традиционной купеческой среде с ее низкой культурностью, отсутствием элементарной деловой этики..." (44). Тем не менее, перед Первой мировой войной наблюдался определенный подъем частного предпринимательства. Нельзя не согласиться с тем, что "капиталистическая Россия", ориентированная на Запад, соседствовала в своем же доме с другой, феодальной и мелкотоварной Россией, еще далекой в своем естественно-историческом саморазвитии от всякой капитализации и "обуржуазивания". Эпитет "мелкая буржуазия" по отношению к русскому крестьянству — не более чем попытка подобрать хотя бы феноменологически достоверную иллюстрацию понятию, заимствованному из другого социального мира. Между этими "двумя Россиями" были весьма слабы только еще становившиеся экономические связи, лишь начинал складываться единый общенациональный рынок (45). Новое общество и новая идеология пытались преодолеть эту дуальность, свести все к одному архаичному полюсу исходной дуальной оппозиции. То обстоятельство, что эта программа отвечала ценностям подавляющего большинства, тяготеющего к формам вечного идеала, не делала ее менее утопичной.

Если вначале еще могло казаться, что движущей силой социокультурного конфликта были носители частной инициативы, то постепенно выяснилось, что активной силой является традиционализм. Он мог существовать под властью архаичной государственности, но в конечном итоге мог сосуществовать с нарастающей частной инициативой, с государством, которое вступило на путь модернизации, либеральных реформ, изменило традиционализму. Новое государство, опирающееся на активизацию массового традиционализма, зародилось как попытка преодолеть этот конфликт, подавляя частную инициативу и возвращаясь к традиционной, не замутненной либеральной непоследовательностью, государственной мо —

нополией на хозяйственную деятельность. Это было возможно, так как в обществе оказались крайне слабыми не только промежуточные силы: ремесленники, массовое мелкое производство. Они подавлялись крупным производством, получавшим государственное покровительство или прямо слившимся с государством. Это стимулировало точку зрения, что "социализм есть не что иное, как государственно — монополистическая монополия, обращенная на пользу всего народа" (46). Ленин, однако, глубоко заблуждался, думая, что эта монополия носит капиталистический характер. Это была государственная докапиталистическая монополия, втягивающая в себя лишь техническую базу капитализма. В России до середины XI — XII вв. господствующей формой собственности была государственная (47). С веками изменялась технология, но не система собственности. Вот что писал американский экономист в изданной в США "Commercial Russia in 1904":

"Никогда, быть может, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей, чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью центрального государственного аппарата контролирует финансовое положение страны: оно владеет и управляет 2/3 всей железнодорожной сети, 7/8 всех телеграфов. Почти 1/3 всей земли и 2/3 лесов еще в его непосредственном заведовании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки... скупает весь спирт". Русское правительство "самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире" (48).

Ленин шел не от капитализма к послекапиталистическому обществу, а от непоследовательного, противоречивого подчинения всей хозяйственной, политической и т.д. жизни государства к последовательному подчинению. Ленин выдвинул эту идею, пытаясь, тем самым, обосновать синкретическое по своей сути слияние хозяйства и государства (а также идеологии), диктатуры и народовластия, втягивание в государство всех независимых функций.

Новое общество возникло как попытка вернуться к истокам. Но, осложненное стремление к модернизации, расколам, оно вновь начало новый глобальный период, новый модифицированный инверсионный цикл в ускоренных масштабах.

1 этап. Господство раннего соборного нравственного идеала — от переворота 1917 г. до середины 1918 г.

2 этап. Господство раннего умеренного авторитаризма — военный коммунизм.

3 этап. Господство раннего идеала всеобщего согласия НЭП.

4 этап. Господство крайнего авторитаризма — правление Сталина.

5 этап. Господство позднего идеала всеобщего согласия правление Хрущева.

6 этап. Господство позднего умеренного авторитаризма этап застоя.

7 этап. Господство позднего соборного идеала, приобретшего форму соборно—либерального идеала — перестройка — от апреля 1985 г. до августа 1991 г. (49).

Эти циклы возбуждают целый ряд вопросов. Например, как и почему этот новый строй, зародившийся как власть народа, как власть локальных миров советов с чудовищной быстротой превратился сначала в умеренно авторитарную систему, а затем в крайний авторитаризм, тоталитаризм. Крепостничество на всех уровнях было восстановлено еще в условиях второго этапа. Идея, что это могла сделать лишь группа лиц, пробравшихся к власти, вряд ли стоила внимания, если бы ни была столь распространена. Все дело в том, что советы, как чисто вечевого институт, отвечали на дискомфортное состояние моментальной инверсией, т.е. соглашением на авторитаризм. Крайне интересно, что Ленин не видел, игнорировал противоречие между соборным (в форме советов) и авторитарным идеалом. "Поэтому решительно никакого принципиального противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет" (50). Эта идея, если акцентировать внимание не на лексике, а на сути, близка к идеям славянофилов, которые не видели противоречия между властью царя и невмешательством крестьян, крестьянской общины в дела государства. Пытаясь всеми силами вписаться в массовую систему ценностей, Ленин выступил как руководитель архаичного движения, разбуженного активизирующегося массового стремления к древним формам жизни. Для него, для партии эта архаика была не самоценностью, а навязанным средством, которое можно было попытаться использовать для модернизации, для укрепления государства — сил, обеспечивающей интеграцию общества.

Ирония истории заключалась в том, что, начавшись с соборности, это общество обернулось чудовищным авторитаризмом, массовым геноцидом, так как других путей для интеграции это общество не сумело найти. Крах и дискредитация крайнего авторитаризма стимулирует превращение прямой инверсии в обратную, т.е. движение к растворению в тотеме — отце — вожде сменилось стремлением к тотему локальному миру. Началось мощное колебательное движение в обратном направлении, в конечном итоге к развалу государственности, к торжеству локализма.

Мощный колеблющийся поток массового движения от крайнего авторитаризма (тоталитаризма) к своей противоположности, начавшийся в результате выявившейся нефункциональности авторитаризма, приблизился к крайним формам соборного идеала, что выразилось в росте локализма. Под локализмом (51) следует понимать особую ситуацию в большом обществе, возникающую в условиях крайней слабости культурных интеграторов. Это стимулирует попытки компенсировать культурную слабость административными механизмами. Это общество атомизируется, распадается на самодостаточные, замкнутые сообщества, противостоящие окружающей социальной среде. Эти сообщества склонны устанавливать свои отношения к нему на основе монополии на дефицит, что приводит к распаду хозяйственных связей, установившихся в результате административного давления. Рост удушающего дефицита приводит к массовому превращению общества в дискомфортное, к росту угрозы социальных потрясений, отходу от господствующей версии нравственного идеала.

Локализм получал свое выражение в разнообразных процессах. "Основной процесс сегодня — это нарастающая волна локализма, которая возникла при разложении и крахе крайнего авторитаризма. Эта волна,

испытывав ряд колебаний, вялых поворотов, сегодня движется к своей крайней логической точке, т.е. максимальному распаду сообществ и потере их связи друг с другом. Поэтому сегодня самое опасное время с точки зрения возможности национальной катастрофы с начала второго глобального периода" (52). Процесс этот происходит в сочетании с приватизацией интересов. "Власть и монополия на дефицит смещается от центральной власти к власти ведомств, регионов, республик и т.д., а также дальше вниз, т.е. к отдельным сообществам и даже к их частям" (53). Важная особенность локализма заключается в том, что отношение локальных миров с большим обществом приобретает расколотый характер, т.е. локальные миры становятся по отношению к большому обществу, друг к другу центрами формирования мафиозных кланов, коррупции как средства проникновения в окружающую социокультурную среду.

Локализм нельзя смешивать с децентрализацией, которая включает ослабление возможности административного вмешательства в принятие решения высших уровней в низшие. Децентрализация возможна как ослабление административных интеграторов при соответственном усилении культурных. Локализм нельзя смешивать с демократизацией, которая реально может иметь место лишь как включающая рост ответственности личности, локальных сообществ за целое, на основе роста осознания законности, наконец, локализм нельзя смешивать с выделением из целого тех народов, территориальных сообществ, которые были насильственно включены в целое. В этом случае интеграция носила в преобладающей степени административный характер, доходящий подчас до подавления общества, разрушения его культуры. Локализм получает свое воплощение в идее суверенитета вплоть до местных советов, что практически означает возможность любой власти не соглашаться с решением любого высшего уровня власти. Фактически это означает провозглашение беззакония. Это вскрывает массовый низкий уровень правосознания. "Ни у кого не вызывает сомнения то обстоятельство, что если то или иное государственное образование или даже административно—территориальное подразделение страны объявило в отношении себя "полный суверенитет", то оно с самого момента вправе делать все, что угодно, принимать любые решения, совершать любые акции" (54). Локализм сегодня пытается нащупать свои традиции. Например, в Луганске вдруг вспомнили, что в 1918 г. существовала Донецке — Криворожская Советская республика, которая на правах федерации отошла от Украины к России (55). Состоялось решение президиума Красноярского райсовета о создании Енисейской республики со столицей в Новосибирске, Дальневосточной республики со столицей в Хабаровске (56). Тюменская область "распалась, по сути, на три части Два северных округа, где расположены все месторождения нефти и газа... требуют власти над недрами. Пока же, однако, пыл уходит на дележку продуктов ширпотреба, завезенных по бартеру. А интересы хантов, манси, ненцев, чем оправдывались притязания на суверенитет, забыты" (57).

Локализм охватывает все уровни общества. Он проявляется на высшем уровне власти, где могут иметь место попытки подавить локализм и одновременно проникнуться им. Например, председатель Совета Федерации решают "общефедеральные проблемы, как мы, местечковым способом, поощряя по преимуществу разношерстные региональные лобби",

происходит "дробление центров власти" (57а), он проявляется в стремлении укрепить свою монополию на дефицит, получать за свой дефицит все более ценный другой дефицит. При этом они могут сокращать безболезненно для себя ассортимент производства. Локализм проявляется в разрушении хозяйственных связей, в таможенной войне, в попытках под разными предложениями и без предложений отказаться от своих обязательств, например, снабжать города. В этой связи невольно возникает вопрос: завершилось ли становление единого русского народа или мы живем еще в период господства племенных отношений? Локализм ярко проявляется в сельском хозяйстве. Даже при росте урожая хлеба его товарность снижается. С 1991 по 1992 г. валовый сбор зерновых в России вырос на 6,6%, тогда как его товарность снизилась на 35,3% (58).

Различного рода представительные органы, собрание представителей делегатов и т.д. собираются, в основном, чтобы выслушать систему претензий, требований, просьб сообществ, ведомств, территорий. Например, анализ выступлений на Всесоюзном совещании представителей рабочего класса, крестьянства, инженерно — технических работников в январе 1990 г. показывает, что "добрая половина ораторов отстаивает ведомственные интересы, налицо коллективный эгоизм, не учитывающий общего положения" (59).

Массовое движение на всех уровнях к локализму, слившееся в единый поток с освободительным движением народов, в конечном итоге привело к полному обескровлению центральной общесоюзной власти, к постоянному уходу ее сторонников. Единственно, что объединяло левых и правых — это критика Горбачева с его постоянной попыткой нащупать ее опору в центре. Впрочем, здесь и левые и правые следовали массовой традиционной ненависти народа к начальству, а также традициям конца прошлого глобального периода.

Этот процесс дистрофии центра в условиях наступающей волны локализма мог привести лишь к одному — дальнейшему ослаблению центральной власти, ее краху даже от небольшого толчка.

§ 6. Третий глобальный период

События 19 — 21 августа 1991 г., получившие неадекватное название путча, позволяют выдвинуть гипотезу: седьмой этап второго глобального периода, а вместе с ним и второй глобальный период в целом завершен. Если это так, то имело место событие, значение которого для судьбы страны, а, возможно, и всего мира соизмеримо по масштабам: с крахом общества первого глобального периода и началом второго в 1917 г. Основная причина, которая привела общество к этому результату, заключается в том, что все события на протяжении второго глобального периода, которые одним могли казаться радикальной революцией, другим — гибелью страны, не вывели страну за рамки исторической инерции, господства инверсионной экстраполяции накопленного исторического опыта на настоящее и будущее. Эта односторонность привела к ослаблению общества, к нарастающей дезорганизации. Окружающий мир далеко ушел вперед, росла внутренняя напряженность, связанная с ростом утилитарных потребностей, а также с ростом национального самосознания.

Все это требовало новых ответов не только на новые, но и на старые вопросы. Между тем, общий субстанциональный интеллектуальный и нравственный потенциал общества за прошедшие годы не поднялся соответствующим образом. Это таило грозную опасность, что мы можем оказаться чужими в новом мире, чужими по отношению к самим себе, к своим собственным потребностям.

Окончание глобального периода определяется тем, что в рамках исторической инерции оказалась исчерпанной программа глобального инверсионного цикла, круг возможных последовательных комбинаций господствующих нравственных идеалов. Начавшаяся в результате функционального банкротства крайнего авторитаризма волна локализма, испытав определенные колебательные движения, со второго удара достигла состояния, близкого к крайним формам, создала систему, прямо противоположную крайнему авторитаризму. Локализм, как это всегда имело место в большом обществе, нефункционален и утопичен. Его негативные последствия неизбежно вызывают массовое дискомфортное состояние, которое обрушивается, прежде всего, на "виновников" этого процесса, в качестве которых всегда выступают "начальство" и другие оборотни, группы, которые массовое сознание рассматривает как носителей зла, как это уже неоднократно имело место в России в аналогичных ситуациях.

Первым проявлением окончания второго глобального периода был крах центральной власти, потеря массового согласия на выполнение ее приказов, исчезновение самого аппарата власти: президента, правительства, министерств и т.д. Власть не была разгромлена в результате заговора, восстания и т.д. Она испарилась. Судебно-следственные дела фонда Уральского областного суда 1920-х 1930-х гг. содержат "массу сообщений рядовых колхозников, в которых наперебой варьируется тема безобразий, которые творило руководство, и о том, что замена руководителей автоматически может исправить положение" (60). Это архаичное стремление ответить на кризис ситуации заменой не оправдавшего себя тотема или посредника с ним на другого было мощной движущей силой террора. Общество ушло в локализм и неуклонно покидало власть. Горбачев, лавируя в этой отчаянной ситуации, оставлял одну ставшую безнадежной позицию за другой. Однако, истощение центра сделало эту политику невозможной в буквальном физическом смысле. Страна с ее логикой крайностей оставалась верной традициям отвечать на дискомфорт крайностями. Либералы отказали Горбачеву в поддержке, требуя проведения реформ (хотя реальное их содержание продолжало оставаться некоторой абстракцией), а также ликвидации остатков старого аппарата власти (который обладал всем набором общеизвестных недостатков, кроме одного — он оставался единственной реальностью власти). Этот конфликт между первым лицом и либералами усилил массовую враждебность, которая и так достигла критической точки. Во-вторых, он выводил либералов из-под непосредственного удара, направленного против центра. Эта ситуация, если ее сравнивать с шахматами, соблазняла своей возможностью начать атаку на незащищенного, лишеного фигур короля, овладеть центром бессильной власти и вдохнуть в нее жизнь. Правящая группа, окружающая Горбачева, сделала попытку остановить поток локализма, нарастание всеобщего развала установлением авторитаризма. Они сделали попытку насильственно

отстранить Горбачева, совершив, тем самым, государственный переворот и государственное преступление. Самой любопытной подробностью этой попытки была, пожалуй, неспособность заговорщиков использовать свои наводнившие город вооруженные силы против людей, сплотившихся вокруг Президента РСФСР Ельцина в Белом доме. Именно это обстоятельство как никакое другое бросает свет на суть исторических событий. Ими управляли какие-то совершенно иные силы, а не оружие и не авторитет центральной власти, начальства. Эти скрытые факторы оказались за пределами понимания заговорщиков, которые повторили неоднократно встречающуюся в России ошибку высшей власти или сил, на нее претендующих: пытаться вести страну вопреки ярко выраженному направлению массовой инверсии. Иван Грозный пытался установить крайний авторитаризм тогда, когда в обществе господствовал умеренный авторитаризм. Александр I проектировал либеральные реформы, что не имело ни малейшей поддержки в обществе. Екатерина II также пыталась двинуться в сторону демократии, но это также не могло увенчаться успехом.

Крайне важным обстоятельством является беспрецедентное в истории России влияние на события либерализма. Его катастрофическая гибель после победы в феврале 1917 г., казалось бы, не обнадеживает. Тем не менее, либерализм одержал в стране беспрецедентную победу. На этапе перестройки он приобрел мощное влияние на правящую элиту. Причем это произошло при сохранении преемственности власти в несомненно более благоприятных политических условиях, чем это имело место в феврале 1917 г. В этой ситуации либерализм привел страну к результатам, аналогичным тому, что принято называть февральской революцией. Быть может, самым большим достижением либерализма за всю историю страны стала способность оказать сильное влияние на массовое сознание общества. Оно, по крайней мере, на уровне лексики освоило язык либерализма. Либерализм усилил массовое убеждение, что сила, массовые убийства оборотней зла, как бы они сегодня ни назывались, недопустимы сами по себе, разрушительны для людей, которые пытаются так поступить и, кроме того, не позволяют решать назревшие проблемы. Разумеется, это не было прямым результатом воздействия либеральной прессы, которая, наконец, вышла к читателю. Это было результатом, прежде всего, массовой инверсии, отказа от обанкротившейся системы, основанной на терроре и насилии, результатом того, что именно перебитые интеллектуалы, предприниматели, "кулаки" и т.д. были теми, от которых зависит само существование общества. Выяснилось что созданное в России общество "низшего класса" является нефункциональным, утопичным. Либералы придали этому массовому повороту определенную систематичность, вскрыв ее связь с глубинными аспектами русской культуры. Этот поворот был подготовлен гниющими по психушкам и лагерям диссидентами, притаившимися в порох общества хранителями катакомбы культуры, российской миграцией, которая в период разорения культуры хранила и культивировала отступившие на задний план ценности. Переход к современному периоду представляется лишенным важного признака предшествующих катастроф, т.е. массовой гибели людей. Революционное озверение при переходе к прошлому глобальному периоду было значительно выше. Достаточно вспомнить не только прямую агитацию за гражданскую войну, не знающую меры борьбу

легальной оппозиции против власти, террор крайних партий, но и вовлеченность в борьбу за революцию определенной части среднего класса. Общеизвестна помощь крайним партиям, включая большевиков, со стороны буржуазии, например, С.Морозова. Крупные фабриканты П.Рябушинский и А.Коновалов склонялись к "надорганическому решению", т.е. революции (61). Некоторые из звезд "серебряного века", например, З.Гиппиус, сочувствовали террору революционеров.

Сегодня трудно себе представить нечто подобное. Армады танков, которые бессмысленно толкались на улицах Москвы, и, кажется, более всего боялись что-то нарушить, оказавшись ни к чему. Кажется, что они совсем не внушали страха, а, скорее, вызывали сильное раздражение у водителей автомашин, которые объезжали создавшиеся дорожные пробки, прорываясь через тротуары, перерезая колонны танков. Общая атмосфера психологически исключала возможность пустить танки на защитников Белого дома. Ослабление культа насилия оказалось главным врагом заговорщиков. Все это не частность, но бросает свет на характер и место этих событий в общей динамике страны.

В конце этапа перестройки в народе распространилось разочарование в ее идеях, росла ненависть к "начальству", которое "имеет дачи и думает только о себе". Первое лицо, т.е. М.Горбачев, потеряло свой сакральный характер для общества и стало отождествляться с начальством, что свидетельствовало о серьезной угрозе центральной власти, государству вообще. Одним из аспектов этого процесса было стремление к сильной власти, которая сметет болтунов—демократов, которые, как всякое начальство, ворует, и будет справедливо распределять имеющиеся ресурсы, подавляя спекулянтов, богачей, воров и т.д. Именно на эти настроения и пытались опереться сторонники установления авторитарной власти.

Тем не менее, все это оказалось недостаточным для победы авторитаризма. Сами люди, которые пытались его утвердить, олицетворяли ненавистное начальство. Как сказала одна молодая женщина в очереди за творогом: "Они уже все себе наворовали, а эти лишь борются за власть". Формула эта свидетельствует о массовых настроениях, органически враждебных аппарату власти. Хотя в стране крепнет стремление к "порядку" что в России исторически отождествлялось с авторитаризмом, тем не менее, очевидно, локализм еще не дошел до крайних форм дезорганизации, не изжил себя в массовом сознании.

Ельцин — харизматический вождь России — с безошибочным чутьем занял бескомпромиссную позицию против начальства во время заговора и стал национальным героем. Провал заговора повлек за собой крах центральной власти, крах всей сложившейся системы управления и, прежде всего, партии нового типа, старой государственности вообще. При этом, казалось, кончилось странное двоевластие центральной власти и России, порождающей волны дезорганизации.

Окончание второго глобального периода не означает обязательного начала третьего. История не знает автоматизма. Точнее, она несет в себе автоматизм в той степени, в какой сами люди склонны доверить свою судьбу своим действиям, не пронизанным глубокой рефлексией, творчеством, но стимулируемым традиционалистским стремлением жить так, как жили позавчера. Тем не менее, в основу оценки современного этапа

нет возможности положить представления о том, что общество повернуло мощный маховик исторической инерции, что оно преодолело в себе пассивность следования сложившемуся опыту. Сама активность людей парадоксальным образом продолжала выступать в основном как средство сохранения этой инерции, выполнения старой программы. Есть основание считать, что сегодня общество вступило в первый этап третьего глобального периода.

Если второй период при своем возникновении осознавал себя как соборно-советский, как экстраполяцию ценностей и отношений совета на государство, то третий осознает себя как воплощение либеральных представлений и ценностей. Это может быть результатом вялой инверсии, т.е. инверсии от второго периода к третьему, сильно заторможенной, сдержанной, модифицированной определенным накопленным результатом медиации, способностью наращивать новое содержание культуры, сделать шаг в сторону от прямолинейной и разрушительной инверсии. Очевидно, уровень медиации был недостаточен, чтобы преодолеть историческую инерцию, ограничить циклы способные сокрушить государство, но достаточен для определенного отхода от гражданской войны. Это дает шанс удержать господство либерализма в масштабе глобального периода, а не утратить его, как это было в прошлом, и, тем самым, направить энергию не на истребление оборотней, т.е. самоистребление, а на общее созидание, на преодоление раскола. Однако, опыт истории не позволяет безусловно доверять этой возможности. Например, четыре раза в истории России уже была попытка удержать общество на основе идеала всеобщего согласия, но во всех случаях не удалось удержать расколотые силы общества от столкновений, которые разрушали этот идеал и приводили к господству крайнего или умеренного авторитаризма. Тем не менее, то, что катастрофа центральной власти не привела ко всеобщему побоищу, возможно, самое обнадеживающее событие с самого начала этого периода.

Победа Ельцина, как и всякая победа харизматического вождя, таит в себе скрытые опасности. В наиболее общем виде она все та же, что стояла перед первым лицом России. Первое лицо должно постоянно держаться в ранге тотема, т.е. действовать и говорить так, как этого ожидает определяющая часть общества, от которой зависит воспроизводственная деятельность, судьба власти. Приближение экономической катастрофы, развал важнейших подсистем хозяйства и т.д. и т.п. делает решение этой задачи с каждым днем все более трудным. Среди особенно сложных и явно недооцениваемых проблем важнейшей является разрушение реального аппарата власти на местах. Лежащая в основе каждого глобального периода некоторая исходная социокультурная клеточка всегда оказывается лишь одним из полюсов, одной из реальных возможностей, которая периодически переходит в свою противоположность. В конечном итоге авторитарный вотчинный порядок в первом глобальном периоде был амбивалентен соборному, а советы второго глобального периода амбивалентны авторитаризму, т.е. вотчинному порядку. Либеральный порядок начала третьего периода в условиях низкого уровня инициативы, развития умеренного утилитаризма, мощи локализма не смог пока доказать свою функциональность на всех уровнях власти, включая самый высший. Ельцин вновь встанет перед проблемой организационных форм, которые были бы

приспособлены к принятию хромающих решений (см. ниже), эффективных решений в условиях раскола. Так как старый аппарат разрушен, а новый не создан — вакуум организационных форм власти может оказаться роковым для возникшего порядка.

§ 7. Самобытность динамика России

Проблема самобытности занимает большое место в духовной жизни России, что даже рассматривается подчас как некоторое излишество. Раздаются призывы: "Не надо без конца размышлять, что такое Россия" (62). Однако само влияние этой проблемы на культуру России по сравнению с культурами других народов мира уже есть проявление самобытности. Существование этой проблемы сублимирует вопреки мировому опыту все наши значимые проблемы в максимально обобщенные и одновременно абстрактные проблемы "быть или не быть", в проблему высшей Правды, нашего космического существования. Если другие народы решают судьбу своего правительства, смены президента то мы превращаем эти процессы в проблему существования государства как такового. Если другие народы повышают эффективность своей экономики, то мы возводим эту проблему до масштабов существования самой экономики. Если другие народы решают практически спонтанно уже назревшие проблемы, то мы превращаем их в вопросы, какие мы есть и какие должны быть. Мы постоянно обсуждаем "судьбы России", ее строя, справедливого устройства жизни, воплощения различного рода всеобщих по своей сути идеалов. Каким-то непостижимым образом все насущные, повседневные, жизненно важные вопросы превращаются в абстракции. Тем самым нарушается баланс между повседневностью и вершинами духа, что разрушает и то, и другое.

Причина этого элементарно проста и одновременно бесконечно сложна. Она кроется в том, что мы в муках истории постоянно пытаемся "перескочить" через самих себя, оставляя без углубления жизненно важные пласты культуры, пренебрегая для этого жизненно важной культурной работой и поэтому постоянно мучаясь отсутствием соответствующего наработанного опыта, пытаюсь решить задачи высшей сложности на уровне здравого смысла и при этом вынужденны постоянно "походя" решать проблемы, которые должны были быть решены уже давно. Поэтому мы не можем в каждом случае найти меру сложности проблемы, найти адекватный ракурс ее рассмотрения. Проблема всегда кажется и простой (в конце концов так просто навести порядок, поднять экономику — стоит только начальству действительно захотеть) и неразрешимой сложной (с нашим народом ничего не сделаешь). Мы все видим проблему одновременно с разных концов, и с точки зрения простых форм нашего опыта — и с точки зрения других народов решать как будто аналогичные проблемы. Мы одновременно могучи и беспомощны

Существование самобытности давно обращало на себя внимание. Например, посол Рима в Москве в 70-х гг. XVII в. писал: "то, что у большинства европейских народов, производится повсюду одинаково, то все у Мосхов происходило иначе, отлично от всех народов земного шара"

(63). Однако проблема самобытности России может рассматриваться как специфика ее исторического пути (63а).

Проблема самобытности России, русской культуры, ее истории и т.д. не стали еще предметом углубленного научного анализа. Ее трактовка носила не столько последовательно научный, сколько несистематический отрывочный характер, что, впрочем, не мешало появлению по этому поводу многих глубоких соображений. Решение этой проблемы, к сожалению, слишком часто ставилось в зависимость от различного рода внешних идеологических, политических соображений. Между тем, недостаточно осознано, что наше постоянное стремление решать сложнейшие проблемы на основе использования мирового опыта. Без знания и понимания российской самобытности не может быть его эффективного использования, не может быть установлена эффективная мера между полным отказом от него и полным принятием. Однако, дело даже не только и не столько в этом. Без анализа этой проблемы невозможно принятие эффективных масштабных решений, немислима эффективная реформа.

Специфика страны, особенно в переломные эпохи, при смене этапов, глобальных периодов ощущается буквально в каждой клеточке общества; хотя и трактуется различным образом. С идеей глубокого своеобразия России: ее непохожести на другие страны и народы соглашался Чернышевский и славянофилы, к ней были близки западники. Различные трактовки этой проблемы позволяли строить различного рода концепции развития государственности, страны. Например, А.Герцен считал, что в России возможно государство на общинно — вечевой основе (64).

Истоки самобытности искались в самых разных сферах: от природных до черт национального характера. Акад. Лихачев считает, например, что "самая характерная черта русской культуры, проходящая через ее тысячелетнюю историю начиная с Руси X —XIII веков, ...вселенность, универсальность" (64а). Н.Эйдельман искал самобытность в соотношении двух факторов — просвещение и несвобода. Были страны и более просвещенные и более несвободные, чем Россия, "но именно сочетание высокой степени того и другого — отличительная черта России". Ключевский писал; "У нас недостает приборов, приемов и привычек, чтобы подводить общие итоги жизни, потому нет умения собирать и сводить дробные, микроскопические наблюдения в общее представление и положение дел, в цельную картину переживаемой минуты. Короче, у нас очень неудовлетворительно устройство народного с а м о н а б л ю д е н и я . Эта отсталость наблюдения от действительности, словом, недостаток народного самознания это точка зрения, которая служит исходным пунктом русского пессимистического мирозерцания, почва, на которой растет русский пессимизм. Это представление о том, что русская мысль и русская действительность далеко разошлись друг с другом и идут каждая своей дорогой, что первая, не понимая потребности второй, не в состоянии направить ее, а вторая, предоставленная своим стихийным влечениям, может привести к роковым результатам или, по крайней мере, к неожиданным кризисам и что не предвидится средств восстановить дружное взаимодействие той и другой" (65). Заслуживает внимания точка зрения писателя Г.И.Куницына: "В самой основе народного бытия в России испокон веков находился

"архаический" коллективизм первобытно-коммунистического толка. Он и явился важнейшей причиной победы революции в октябре 1917 г., по существу, слившегося с революционными действиями рабочего класса России. Именно это обстоятельство в самую первую очередь обусловило самобытный путь развития России" (66). Специфику русской культуры ищут в глубинах истории, например, существует точка зрения, что "коллективность на базе общей веры и ритуала — это свойство всех племенных сообществ, однако, до стадии мировой цивилизации сознание такого типа доросло лишь в Византии" (67). Иногда, казалось бы, частности открывают важные аспекты специфики народных движений, массового сознания. Например, "на Западе и в центре Европы не существовало патриархальных ересей, которые могли бы по массовости и устойчивости сравниться со старообрядческими движениями" (68). Различного рода соображения на этот счет можно приводить бесконечно.

Фактически, некоторые авторы склоняются к точке зрения, что на протяжении веков в стране сохранилось ядро тотемической культуры. Хотя это архаичное наследие в значительной степени оказалось пронизанным умеренным утилитаризмом, тем не менее, эта архаичная струя в культуре — достаточно мощная, прежде всего, в отношении к государству, к механизму интеграции, к власти, к первому лицу, интеллигенции — к народу.

При анализе самобытности необходимо избежать ряда опасностей: внеисторичности, т.е. рассмотрения самобытности как чуть ли не биологического качества, эклектичности, отрыв ее от основных проблем социокультурного развития страны, известный уклон в психологизм и т.д.

Сама проблема самобытности нуждается не только в решении, но и достаточно последовательной и ясной постановке. Самобытность есть у любого народа. Вопрос заключается в том, что она может быть столь велика, значима, что приводит к существенным последствиям, которые можно проследить в условиях, средствах и целях этого общества. Иначе говоря, эта специфика должна включать в себя специфику менталитета, социальных отношений, воспроизводственных возможностей и способностей, а также уровень рефлексии, т.е. в конечном итоге, способность делать себя, свой конкретно — исторический уровень развития предметом исследования и изменения, развития, совершенствования.

Проблема самобытности России стала особенно острой, когда возникли представления о том, что страна вступает на путь капиталистического развития. Эта проблема как бы автоматически разделила людей на две группы. Тот, кто стоял за самобытность, тот выступал против капитализма, за свой неевропейский, некапиталистический путь развития. В этом русле шла старая славянофильская традиция, народники, часть правящей элиты, склонной рассматривать общину как важнейшую социальную основу общества. Те, кто отрицал самобытность, — марксисты, западники, либералы считали, что Россия, как и все страны, должна идти по обычному пути. Характерно в этой связи изменение позиции в то время Министра финансов С.Ю.Витте, взявшего курс на индустриализацию страны. В 1897 г. он отказался от представлений об исключительности и самобытности России. Витте полагал, что существуют закономерности, общие для всего мира: "В России теперь происходит то же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Россия

должна перейти на него. Это мировой непреложный закон". Однако, в то время товарищ Министра внутренних дел В.К.Плеве с ним не соглашался. Он считал, что "Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй" и поэтому "Россия будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий" 4(069). Этот спор не теряет свою актуальность и сегодня. Вот интересная выписка из новой книги, свидетельствующей о непрерывности этого спора: "Всемирный революционер Троцкий некогда в восторге писал: "Наша революция убила нашу "самобытность". Она показала, что история не создала для нас исключительных заводов". Напротив, думается, что революция как раз рельефно подчеркнула эту "самобытность". Она подтвердила специфику российской истории развиваться путем крайнего обострения противоречий" (70).

Проблема самобытности может традиционно рассматриваться в связи с проблемой Восток — Запад. Соблазнительно рассматривать Россию как принадлежащую Западу, и лишь задержавшуюся в своем развитии. Для школы евразийцев не менее соблазнительно рассматривать ее как азиатскую по своим культуре и традициям. Однако, сегодня все же следует согласиться с Чаадаевым, который считал, что мы не принадлежим ни Востоку, ни Западу (71). В интересной статье И.В.Подберезовский находит целый ряд глубоких отличий России от Азии. Например, в отношении в России к торговле, которая у нас считается предосудительной деятельностью. Это, кстати говоря, означает, что на пути превращения нашего дорыночного хозяйства в рыночное лежит глубокое препятствие. "Тут мы отличаемся не только от конфуцианского мира, но и от мусульманского: Мухаммед был купцом, и торговый капитал там в почете даже больше, чем промышленный" (72). В этой области социокультурный опыт России уникален. Однако, эта уникальность не мешает специалистам исследовать опыт социально—экономического развития других стран вплоть до механизма изменения рыночно—демократического менталитета с целью использования этого опыта в России.

Исследование социокультурной динамики России приводит к выводу, что в основу анализа самобытности страны должен быть положен раскол. Он пронизывает культуру, социальные отношения, личность, воспроизводственную деятельность. Он — фокус всей жизнедеятельности, предмет борьбы и одновременно элемент среды, к которому следует приспособиться. Это приспособление приводит к последствиям, накладывающим на общество отпечаток уникальности. Уникальным является воспроизводство системы псевдо..., т.е. особый социокультурный феномен, возникающий в результате неспособности общества преодолеть раскол. Суть псевдо можно понять, используя аналогию со стремлением организма адаптироваться физиологически и психологически к тяжелой болезни. Это приспособление может оказаться фактором, препятствующим выздоровлению. Природа псевдо... заключается в том, что общество пытается установить некоторый порядок по аналогии с достижениями, полученными в иных условиях, возможно, в иной цивилизации, например, в результате заимствования новой технологии, организации труда и т.д. При этом современное производство западного типа парадоксальным образом производится на основе дорыночного менталитета, на основе обмена потоками дефицита. При этом в решениях исчезает рыночная составляющая,

которая заменяет технологическую. Например, попытка имитировать движение капитала в условиях примитивной всеобщей связи, господство локализма не дает необходимого минимума эффективности. Отсюда возможность псевдокапитала, т.е. движения натуральных вещей, рабочих и т.д., не охваченных реальной всеобщей связью, псевдокооперации, псевдолиберализма, т.е. вечаго идеала, одетого в либеральные формы, и использующего его логику, псевдоурбанизации, т.е. развитие городов без городской культуры (73) и т.д. Формирование псевдо во всех формах истощает силы общества, не давая необходимого эффекта. Особенно опасна система псевдоэкономики, которая основана на попытках имитировать экономику посредством доэкономических форм отношений.

Ситуация псевдоэкономики поддерживается, стимулируется неэкономическими законами, которые в таком обществе не действуют. Система держится на основе заимствованной из архаичной государственности общества принудительной перекачки, распределения и перераспределения ресурсов силами государства. Если при этом в обществе преобладают стимулируемые модернизацией утопии, то могут создаваться выходящие за рамки элементарной логики хозяйственные монстры. "Мощь (без иронии) плановой системы обнаружила себя в противоестественном стремлении и почти сверхъестественной способности удерживать на протяжении двух десятилетий безумными расходами грандиозную хозяйственную систему в верхней мертвой точке цикла. Но чем больше накопленная энергия пружины, тем труднее ее удерживать" (74). Краеугольным камнем этой системы псевдоэкономики, бессмысленно пожирающей ресурсы, является военно—промышленный комплекс. .

Важнейшим результатом раскола является монополия на дефицит. Она возникает в результате раскола воспроизводственной деятельности, в результате неспособности разрешить основное противоречие нашего общества (75), т.е. между потребностями в росте потребления благ, прежде всего вещей, и отставанием соответствующих потребностей в производстве этих благ, в соответствующем развитии труда, воспроизводства. В результате этого противоречия нарастает дефицит вещей всех видов. На этой основе складывается особая хозяйственная социокультурная система, где монополия на дефицит является фокусом, своеобразной исходной клеточкой специфического общества. Это общество формируется из множества относительно замкнутых сообществ — субъектов производства разных дефицитов. В процессе собственного воспроизводства они стремятся укрепить свою монополию на дефицит, усилить зависимость от себя всех своих партнеров по обмену дефицитов, всей социальной среды.

Борьба в обществе вокруг системы монополии на дефицит постоянно идет между разными уровнями ее носителей, среди которых можно четко выделить три: высший уровень центральной власти, уровень регионов и ведомств, уровень локальных сообществ, т.е. предприятий, колхозов и т.д. Переход от второго периода к третьему характеризуется борьбой за смещение монополии на дефицит вниз, от правительства к регионам и ведомствам, от них — колхозам, предприятиям. Складывается ситуация, при которой в каждой точке общества сидит свой монополист. Как говорил поэт П.Вяземский: "Коллежский регистратор — почтовой станции диктатор".

Перемещение монополий на дефицит сверху вниз означает, что перемещаются государственные функции. Например, такая важная функция государства, как управление ценами, теперь сместилась вниз. Часть цен осталась на федеральном уровне, Ш например, на газ, отчасти на нефть, на электроэнергию, тарифы на железнодорожный транспорт, на некоторые другие товары. В регионах регулируется от трех до десяти видов товаров (76). Из этого следует, что локализм может, по крайней мере частично, не столько менять важные качественные характеристики общества, сколько перемещать по вертикали уже исторически сложившиеся государственные функции.

Борьба монополии за дефицит, в частности, за смещение вниз власти над дефицитом вплоть до локального сообщества, до рабочего места и т.д. приводит к нарастанию в обществе удушающего дезорганизующего дефицита. А это, в свою очередь, создает условия для мощного стремления в обществе за перераспределение всех системы потоков дефицита, за передачу ее харизматическому лидеру, который, как предполагается на массовом уровне, сконцентрирует в своих руках весь дефицит и будет его "справедливо", т.е. уравнительным образом, распределять.

Важнейшей специфической особенностью исторической динамики, как и логики господствующих форм мышления при решении сложных проблем, является господство инверсионного типа мышления. Он получил в истории человеческой мысли наиболее яркое воплощение в манихейском мировоззрении. Под манихейским можно понимать не только определенную конкретно — историческую концепцию, но и гносеологическую категорию: подхода к миру на основании абсолютизации инверсии, отказа от взаимопроникновения полюсов оппозиции, рассмотрение мира как борьбы двух взаимоисключающих абсолютно враждебных субъектов — субстанций. Специфика манихейского типа мышления заключается в оценке, осмыслении явлений на основе преобладания черной и белой красок, перехода от оценки явления одной крайности к другой, отождествления людей—врагов с абсолютным злом, человека с его грехом. Стало общим местом оценки специфики российского мышления как склонного к крайностям. "Между "есть бог" и "нет бога" лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из этих крайностей, середины же между ними ему неинтересны и она обыкновенно не значит ничего или очень мало" (77). "Не дорожа среднею областью культуры, русский человек способен проповедовать и действительно совершать изумительные разрушения осуществленных уже культурных ценностей, как это можно было наблюдать, например, в начале большевистской революции, когда крестьяне, матросы и солдаты избивали породистый скот в имениях помещиков, вырубали великолепные фруктовые сады, сжигали и коверкали ценную мебель" (78). Н.Бердяев писал, что в России "нет дара создания средней культуры, этим она действительно глубоко отличается от стран Запада" (79). Академик И.П.Павлов говорил: "Мы оперируем насквозь общими положениями, мы не хотим знаться ни с мерой, ни с числом. Мы все достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями. Это наша основная черта" (80). Этот инверсионный характер мышления и массового поведения создает условия для цикличе-

ского характера развития, определяемого массовыми нравственными поворотами.

Отсюда поразительный циклизм, который охватывает не только государственное устройство, например, чуть ли не моментальный переход от разгула воли первого этапа второго глобального периода к крепостничеству военного коммунизма, от преклонения перед властью КПСС и соответствующей идеологии к моментальной "свободе" слова, от растворения себя в тотеме - вожде, в разгулу воли и локализма.

Значимые решения в условиях раскола неизбежно приобретают расколотый односторонний характер. Такое общество может существовать, лишь постоянно опровергая себя, постоянно находясь в движении от одной крайности к другой и обратно. Поэтому любое значимое решение отменяется, не успев реализоваться, все решается как исключение, разрешенное запрещается, все сказанное и записанное опровергается, чтобы утверждаться, и утверждается, чтобы быть опровергнутым. Значимые для общества решения принимаются лишь на основе учета одного полюса расколотой нравственности, например, на основе того, что лишь частная инициатива способна спасти общество. Но при этом не учитывается существование полюса традиционалистской нравственности, который несет противоположную точку зрения, по которой развитие частной инициативы считается результатом происков мирового зла. Поэтому решения укреплять натуральные и товарно-денежные отношения чередуются и разрушают друг друга, первое решение в явном или скрытом виде ограничивается последующим парализующим решением. В расколотом обществе любое значимое решение всегда односторонне и всегда, в силу существования связанного с расколом заколдованного круга, порождает противодействие этому решению, подчас сокрушительное. Это противодействие может происходить в многообразных формах. Попытки замещать только что принятое решение на противоположное могут складываться в цепочки, принимать форму циклов, т.е. второй акт решения так же, как и первый, ограничивается следующим и т.д. Налицо особый тип хромающих решений, вытекающих из раскола.

Благоприятные условия для формирования цепочки циклов хромающих решений создаются тем, что определенные циклы присущи любым сложным системам. Общество неизбежно должно приспосабливаться к природным, в частности, биологическим ритмам. Колебания значимых параметров как бы прощупывают границы допустимых состояний, приближаясь к некоторым опасным порогам. Рост интеллектуализации общества означает, однако, что эти циклы все в большей степени из внешних стихийных превращаются в содержание богатства усвоенной культуры, приобретают идеальный характер, моделируются сознанием. Эти циклы, осваиваемые теоретически, превращаются в предмет сознания и деятельности, что открывает путь для превращения этих циклов в подлежащую разрешению проблему, в содержание культуры, нравственное основание воспроизводства. Это, в свою очередь, позволяет направлять воспроизводственную функцию субъекта на ослабление циклов истории, на ослабление инверсии, на интенсивное воспроизводство. Однако возможен и иной путь. Неспособность, в силу тех или иных причин, достаточно глубоко осмыслить эти циклы неизбежно усиливает их деструктивное

влияние на общество в процессе его усложнения, роста количества и разнообразия связей, нарастания динамики социокультурных процессов. Более того, в условиях раскола может произойти опасное приспособление к этим разрушительным циклам, что неизбежно вводит в противоречие с логикой формирования эффективных решений. Это приводит субъекта к своеобразному псевдосинтезу, Элементы, подлежащие синтезу, в результате раскола включаются в решение, последовательно сменяя, а, следовательно, парадоксальным образом опровергая, дезорганизуя друг друга. Эффективное решение оказывается слишком "большим куском", что заставляет субъекта "заглатывать" его частями. Однако, точно так же, как из множества крыс нельзя сложить одну лошадь, из цепи эклектических решений нельзя сложить одно эффективное решение. В России циклы в развитии общества приводили к постоянным и резким колебаниям от одной крайности к противоположной. Каждый такой переход, инверсия рассматривался как приобщение к правде — истине, как отказ от заблуждений. В них можно проследить резкие колебания от господства доэко — номических натуральных отношений к господству товарно-денежных отношений и обратно, от ориентации на город к ориентации на деревню и обратно, от ориентации на низы, на локальные сообщества к ориентации на власть первого лица и обратно, от опоры на инициативу снизу к надежде на команды сверху и обратно и т.д. Все основные параметры общества постоянно подвергались инверсии, т.е. переходили в свою противоположность, чтобы затем вернуться обратно и т.д. Все значимые проблемы решались разрушительной атакой на полюс, противоположный тому, который на том или ином этапе развития общества рассматривался как единственный. В любой момент времени только один полюс отождествляется с научной истиной и одновременно с народной правдой, справедливостью. Вот первый попавшийся пример, характеризующий нравственную обстановку в стране в 1928 г. На партсобраниях "становятся нормой" директивы о том, что без обсуждения этих резолюций (т.е. произвольно оцененных руководством как подлежащие осуждению) невозможно полное и правильное отношение к любым указаниям сверху (80а). Иначе говоря, синтез через диалог исключался, всякое решение могло утвердиться лишь при одновременно полном разгроме противоположного решения, его носителей, организационных форм и т.д. Инверсия здесь содержит возможность принятия решения, включающего подавление возможности противоположного решения. Эта тенденция может иметь разную степень накала. Например, в условиях большого террора она несла в себе потенциальное и реальное стремление истребить тех, кто стремится или кажется, что стремится к противоположному решению. На других этапах инверсия могла привести к относительно умеренным действиям. Тем не менее, и в "спокойные времена" налицо своеобразный мессианский азарт разрушения, касается ли это избития "кулачества" или виногради-ников, "виновных" в массовом алкоголизме. Однако, если даже агрессивность сведется к минимуму, то это само по себе не исключает постоянного стремления в расколоте общества замещать принятые решения противоположными. Важнейшая особенность хромающих решений заключается в преобладании стремления следовать господствующему нравственному идеалу, массовому настроению. Например, стремлению подстроиться к

решениям первого лица, или наоборот, сфокусировать свое решение вокруг локальных ценностей.

Для хромающих решений характерно упрощение, т.е. постоянное стремление решать не то, что надо решать, а то, что по представлениям субъекта может быть решено. Хромающие решения в буквальном смысле слова — несчастье нашего общества. Наши законодательные органы подчас живут по принципу "балансировать между "да" и "нет" (80б). Господство хромающих решений является мощным препятствием на пути диалога с другими странами и народами. Бывшая глава правительства Великобритании М.Тэтчер сказала: "Многие предприниматели отказываются с вами работать. Нельзя каждый день пересматривать заключенные соглашения, так бизнес не делается!" (81). Оснований для подобных высказываний более чем достаточно.

Господство хромающих решений парализует законодательную деятельность: "Либералистские законы дают результаты, обратные ожидаемым... Подобно безумной королеве, мы приказываем; делай то, не знаю что! Смело вперед — немедленно назад! А затем усиленно ищем под кроватями ведьм" (82). Подобные оценки решений можно найти и на других этапах развития страны. Хромающие решения могут характеризоваться тем, что реально принятые решения окажутся "во многом противоположными тому, что действительно будет сказано" (83), решено. Это особенно касается внешней политики, которая подчас представляет собой некоторую загадку, так как одни решения противоположны другим. Это дает основание Западу постоянно искать в ней подвохи. В действительности она представляет собой как бы две политики одновременно, которые исключают, разрушают друг друга. Можно бороться за мир, заключать соответствующие соглашения, и одновременно вводить войска в другие страны. Каждое ведомство делает свое дело, дезорганизуя друг друга, все они воплощают свою правду, свой аспект движения к истине, погружаясь в дебри дезорганизации, запутываясь в метафизике истины, погружаясь в дебри неправды (84).

Хромающие решения получают свое выражение в том, что разные их аспекты могут быть закреплены за разными институтами, группами, порождая не столько тенденцию к поиску меры на основе синтеза, сколько инверсию, разрывающую целое на части.

Влияние раскола на принимаемые значимые решения проявляется, прежде всего, в том, что их содержание определяется массовым пафосом в результате отхода от "ошибок", преступлений и т.д. прошлого. Всякий этап в развитии страны противостоит предшествующему. Например, авторитаризм всегда критически направлен против "либерализма", мягкотелости предшествующего этапа и наоборот, многие этапы вдохновлены своим противостоянием авторитаризму и т.д. Другой пример: в Москве возникло массовое движение, мотивированное в понятиях и представлениях экологии. Его результатом была остановка 350 крупных объектов, волна ультимативных требований о прекращении строительства, развал реальной власти в городе (85). Эти процессы, разрушительные для города, — инверсионная реакция на ранее господствующий авторитаризм, который, не считаясь с местными условиями, навязывал свои односторонние программы городу. Одно хромающее решение авторитарного типа сменилось проти —

воположным в массовых масштабах. Разрушительным для города является как первое, так и второе содержание решений, а также сама смена этих типов решений.

Все позитивное, что создается в обществе — результат постоянно возникающей непоследовательности, отступления от чистоты одностороннего нравственного замысла, что, собственно, и открывает существующую на заднем плане медиацию, способствует поиску качественно новых решений. Раскол препятствует совершенствованию механизма принятия решений в соответствии со сложностью проблем, не говоря уже об опережении этой сложности.

Господство раскола и хромающих решений является мощным препятствием развития основ гражданского общества, так как в условиях раскола люди мыслят и действуют не столько как граждане большого общества, сколько в масштабе некоторых замкнутых локальных сообществ. Раскол — препятствие правому государству, так как право, сама идея соблюдения некоторого абстрактного закона, возвышающегося над конкретной конъюнктурой, органически несовместимы с хромающими решениями. Механизм раскола превращает реформу в контрреформу. То обстоятельство, что попытки разрешить великое множество подобных задач в отрыве от преодоления раскола представляют собой важнейший результат духовного приспособления общества к расколу, в известной степени результат порабощения им общества.

Очевидно, что система хромающих решений должна была обрести свою организационную форму. Такой формой стало двоевластие. Оно существовало еще в Киевской Руси. Там имело место парное княжение, система дуумвирата (86). В условиях раскола этот архаичный порядок двоевластия закрепился и на протяжении истории страны воплощался в различных формах. Во втором периоде власть сформировалась как особое соединение партии нового типа и государственности, где государство воплощает некоторую идею стабильности, трансляцию сложившегося порядка во времени. Партия способна постоянно смещать во времени этот порядок, его постоянно изменять без всякой опоры на право, на внутренне последовательную доктрину, но лишь на конъюнктурную целесообразность. Требовалось "создание особой структуры власти, которая формально напоминала бы фольклорную первоначальную демократию советов, а по существу представляла собой возврат к абсолютизму московского права..." (87). Эта система сохраняла возможность идеологии, направленной против "начальства". Пайпс для отношения государства и партии употребляет выражение "взаимопроникновение" (88). Сложилась система двоевластия, идеально приспособленная для принятия хромающих решений, для сохранения на этой основе интеграции общества, способной предотвратить массовую дезорганизацию, смертельно опасные конфликты, жертвуя ради этого не только людьми, но и собственными идеалами, принципами. Именно такая власть в условиях раскола оказалась способной постоянно, вопреки собственным ранее принятым решениям перебрасывать ресурсы всех видов, включая человеческие, на наиболее угрожаемые участки, туда, где назревающая катастрофа наносила первые удары, чреватые всеобщей дезорганизацией.

Однако, чем больше усложнялось общество, тем более усиливались дезорганизующие последствия конъюнктурного манипулирования, превышение негативных последствий над позитивными. Это в конечном итоге привело к убеждению в невозможности продолжения господства этого типа организации принятия значимых решений, толкнуло общество к отказу от монополии КПСС на власть.

Трагедия, однако, заключается в том, что можно заменить одну форму двоевластия на другую, но преодолеть двоевластие можно, лишь ограничивая, снимая раскол. Он не дает возможности воплотить в жизнь любую, даже кажущуюся разумной и обоснованной внутренне последовательную программу реформ, так как такого рода попытки вызывают стремление к контрреформам, к очередному витку хромающего решения который может по своему энергетическому потенциалу превзойти потенциал реформаторов,

Игнорирование раскола неизбежно приводит к искажению всей картины социальной реальности, вынуждая для объяснения хаоса, нарастающей дезорганизации обращаться к разного рода мифам. В этой ситуации субъект теряет достаточно глубокую связь с реальностью. Складывается ситуация, когда значимые процессы в обществе, как кажется, никак не зависят от принимаемых на высшем уровне общества решений и имеют свою скрытую логику, влекущую нас в неизвестность. Все это приводит к тому, что реальность приобретает характер лавины самоуправляемых фантомов, перед которыми человек бессилён. Это хорошо чувствовали Гоголь и М.Булгаков, у которых реальность выступает как некоторый бесовский шабаш, истина же скрыта и ее можно освоить лишь через внутреннее преобразование субъекта или посредством магической силы, подобной той, что обладал Воланд, умевший своими дьявольскими экспериментами вызывать скрытую реальность.

Однако, слишком большая роскошь оставлять дьяволу монополию на знание общества. Необходимо сложившийся уровень осмысления нравственные основания общества превратить предмет массовой самокритики, предмет массового диалога. Это, в конечном итоге, может привести к ослаблению, преодолению раскола, всех связанных с ним опасных для общества форм самобытности.

8. Рынок и реформа

Анализ самобытности особенно необходим при формировании проектов реформ, например, реформ, направленных на развитие рыночных отношений. Трудность введения рынка посредством реформы заключается в том, что он — не техническое устройство, но образ жизни миллионов, определенное мировоззрение, менталитет, это массовое ощущение его естественности, комфортности. Рынок — историческая категория, он развивается из дорыночного общества, как постоянная попытка найти новую меру между полюсами дуальной оппозиции. Первый полюс — натуральное хозяйство, где производство вещей происходит в рамках замкнутых сообществ: племен, патриархальных семей, общин и т.д. и обмен носит второстепенный, возможно, случайный, характер. Другой полюс — всеобщая связь, доведенная до возможности оценки любой вещи и услуги,

любой идеи, любого акта труда как носителя всеобщего и, следовательно, способного обратиться, по крайней мере, в тенденции, в любой другой элемент всеобщего. В этот оборот всеобщего включается движение товаров, труда, капитала, валюты. Состояние хозяйства любой страны, его рынка в определенный момент времени можно рассматривать как некоторую меру, находящуюся между этими полюсами, результат исторического движения этой меры. Социальные отношения и культура, связанные с воспроизводством первого полюса, носят жестко регламентированный характер, так как производство и распределение должно в этом случае из-за страха перед дезорганизацией следовать определенному оправдавшему себя историческому опыту. Специфика второго полюса связана социальными отношениями и культурой, воплощающими свободу комбинаций, форм, видов деятельности для достижения их более высокой совокупной эффективности, определяемой рынком. Господство каждой из этих форм никогда не является абсолютным, но содержит на заднем плане свое противоположное (как зародыш или в зрелом состоянии), как постоянную критику хозяйства, господствующего идеала.

Перед любой реформой, ставящей своей задачей стимулировать, углубить рыночные отношения, стоит вопрос — какую конкретную форму рынка предполагается создать, в какой точке между полюсами рассматриваемой оппозиции лежит наш идеал рынка? Это стремление должно включать метод определения конкретного уровня рынка, к которому общество реально может перейти, не потерпев при этом фиаско. Нужно прежде выявить преобладающий в обществе менталитет, саму способность людей в иных условиях соответственно перестроить свой сложившийся образ жизни. Г.П.Федотов писал: "Народ, в общем, готов признать элементарный мелкий капитал, еще не оторвавшийся от трудовой основы, но понимание функций крупного капитала ему еще недоступно" (92). Это означает, что хозяйственная ситуация по сравнению с другими странами сильнейшим образом смещена к полюсу натуральных отношений. Следовательно, стремление продвигаться к противоположному полюсу требует, однако, постоянного уточнения реального места страны между этими полюсами во всей его конкретности.

Так как речь идет не об отдельных группах, а о менталитете и поведении больших масс людей, то необходимо, прежде всего, обратиться к крестьянству. По переписи 1897 г. горожан в стране было всего 12,6% от всего населения, в деревне люди жили натуральным и полунатуральным хозяйством, т.е. преобладало постоянное стремление воспроизводить свои замкнутые локальные миры. Развитие товарно-денежных отношений сопровождалось в стране постоянным внутренним напряжением. Московское государство "с великими усилиями пыталось вводить денежные повинности в старинных культурных местностях суздальско — московской Руси: в земских уставных грамотах XVI в. мы на каждом шагу чувствуем, как привык тогдашний плательщик к платежу натурой... Попытки ввести денежное обращение идет сверху, от правительства" (93). Другой автор писал: "В классе крестьянском натуральное хозяйство процветало бы и до нашего времени, если бы необходимость добыть деньги для уплаты податей не заставляла крестьянина выносить свои продукты и свой личный труд на рынок" (94). Разумеется, подлежит обсуждению вопрос — какую значи —

мость в развитии товарно-денежных отношении играли спонтанное стремление и развитие, нажим сверху. Однако, как бы ни обстояло дело, тем не менее, принудительная циркуляция натуральных ресурсов в обществе не была оттеснена на второй план. Например, в 40-е — 50-е гг. XIX в. даже в государственной деревне центрально — промышленные "районы торгового земледелия были отдельными островками на фоне полунатурального хозяйства" (95). Это означало, что не только развитие капитализма, но товарно-денежных отношений встречало мощнейшее препятствие: многомиллионное крестьянство, стремящееся всеми силами сохранить свой патриархальный образ жизни, натуральные отношения, господство уравнилельных представлений догосударственного вечевого идеала. Поэтому капитализм в России, в отличие от западного, развивался не столько вглубь, сколько вширь, постоянно пытаюсь искать ресурсы, сбыт, защиту у государства.

Витте писал о "микроскопических дозах" денежных доходов крестьянской семьи на личное потребление, составляющих 12 рублей в год на семью, т.е. немногим больше 3 коп. в день. Рынок в значительной степени создавался государством, которое получило огромные иностранные займы (96). До первой мировой войны жители деревни, составляющие основную массу населения, обеспечивали вряд ли более 30% всей емкости рынка промышленных товаров, т.е. их участие в реализации продуктов промышленности было сравнительно "ничтожно" (97). При этом нельзя не учитывать, что еще до всеобщей разрухи доходы населения были таковы, что на все содержание и все нужды человека в среднем приходилось немногим более гривенника в сутки (98).

Давление, которое оказывала власть на крестьянство, пытаюсь вынудить его к росту товарно-денежные отношения, имело важный результат. Оно стимулировало противоположно направленное давление снизу. Например, по крайней мере одной из движущих сил Великой смуты конца XVI — начала XVII в. было сопротивление стремлению власти перевести натуральные повинности в денежные (99). По сути дела, формирование нового общества после краха старой государственности в 1917 г. было результатом массового стремления крестьян остановить и повернуть назад волну товарно-денежных отношений, несущую угрозу уравнилельности. Стремление к натурализации, ликвидации частной собственности приняло, форму мощного возрождения общинных отношений в деревне (100), а также нарастающей борьбе большинства крестьян против меньшинства. В самом начале века усилилась борьба крестьян против более склонных к рыночным отношениям односельчан. Это выразилось, например, в противостоянии крестьян столыпинской реформе, разрушению архаичной общины, в борьбе против роста утилитаризма. Все это, в конечном итоге, привело к "антистолыпинской революции" (101) к коллективизации, ставшей возможной лишь на волне массовой победоносной борьбы против уравнилельности.

Методология социокультурных исследований, которая требует, прежде всего, выявления динамики ценностной ориентации воспроизводственной деятельности людей, неизбежно приводит к оценке ситуации в деревне, в стране в целом через "эффект бумеранга". В определенной ситуации рост товарно — денежных отношений может быть средством

укрепления архаики. Исследования показали, что "если у продавца — капиталиста подключение к рынку стимулировало перестройку производства, то у крестьянина последствия контакта были противоположные: связь с рынком не вела к прогрессу, она закрепляла хозяйственный застой и даже вела к деградации... Для массы крестьян капиталистической России, продававших свой хлеб, молоко и другие продукты, их "товары" ...не были истинными товарами, так как для производителя — продавца она обладали потребительной стоимостью: спустя несколько месяцев после продажи многие из таких продавцов должны были покупать те же товары, но, как правило, по более дорогой цене. Участие крестьян в торговле в подобных случаях было фактором не экономического прогресса, а регресса" (102). Это означало, что такая торговля для крестьян выглядела как противоестественная и, следовательно, ее нарастание усиливало негативное к ней отношение.

Советская историческая наука развивалась под мощным давлением тезиса о России как стране капиталистической (среднеразвитого капитализма). Этот тезис был одной из идеологических предпосылок оправдания возникшего после 1917 г. строя, как послекapиталистического социализма, как закономерного этапа мировой истории. Болезненное влияние этого тезиса охватило и оценку западной истории. "Как правило, переоценивается и степень зрелости буржуазных экономических отношений и га — рантированность их роста. Развитие "нового базиса получает в итоге вид фатального процесса..." (103). Постепенно, однако, накапливался материал, который противостоял этим представлениям. Был поставлен под сомнение тезис о господстве капиталистических отношений в аграрном строе в конце XIX — начале XX в. (104). Исследования также показали, что промышленность в значительной степени развивалась фактически как государственная собственность или была в значительной степени в зависимости от государства, которое выступало как некоторый псевдорынок, охраняющий производство от реального рынка, конкуренции вплоть до того, что обеспечивал объективные условия для отсутствия интереса к себестоимости собственной продукции (105). Экономическая деятельность, которая выходила за локальные рамки, должна была находиться под защитой государства. Это подчинение государству пронизало все сферы хозяйственной деятельности. Там, где архаичное государство подчинило себе хозяйство, трудно говорить о капитализме, о его господстве. Иллюзия господства капитализма стимулировалась возрастающим заимствованием его технической базы. Но рост масштабов заимствования техники и науки недостаточен для того, чтобы хозяйство было расценено как капиталистическое. Капитализм, капиталистическое предпринимательство пробивалось между массовым традиционализмом и монополией традиционной государственности, постоянно как бы находясь между молотом и наковальней. Капитализм не сводился к машинному производству. О нем можно говорить лишь тогда, когда имеет место движение капитала, возможности и способности общества обеспечить его самовозрастание через рынок, когда открывается потенциально безграничная возможность его перелива из одной формы в другую в поисках более высокой эффективности. Капитализм включает возможность накопления капитала, т.е. не вещей и даже не денег, а потенциальной способности его перелива из одной формы в

любую другую. Капитализм включает способность изменять, создавать и ликвидировать систему отношений сообщества в соответствии с меняющейся задачей движения капитала. Капитализм включает в себя развитие системы ценностей, позитивно оценивающей эту возможность.

При оценке развития товарно-денежных отношений, капитализма не следует забывать, что до октября 1917 г. Россия в своем промышленном развитии в значительной степени опиралась на экономическую помощь извне. В отдельные годы иностранные инвестиции составляли более половины всех новых капиталовложений в российскую промышленность, а некоторые отрасли ее создавались едва ли не исключительно иностранцами — ми, например, электротехническая, химическая и др. (106). За период 1909—1914 гг. иностранные инвестиции составили 55% всех новых капиталовложений в народное хозяйство, доля иностранных капиталовложений предприятий группы А составила 60% (107). Это свидетельствует о том, что объем, масштабы видимого развития современных форм производства значительно превышали почвенные потенции развития товарно-денежных отношений, капитализма в стране, что не может не бросить определенный свет на имевшие место последующие события, на специфику сложившегося хозяйства во втором периоде, на реальные возможности сегодня достичь определенных масштабов и темпов продвижения к рынку.

Развитие капитализма опирается на способность общества изменять свои отношения, т.е. подчинять их динамику задаче повышения эффективности в изменяющихся условиях. Развитие реального капитализма включает культурологические и нравственные аспекты, т.е. адекватное массовое распространение системы ценностей, соответствующей уровню развития капиталистических отношений, капиталистического социокультурного воспроизводства. Если у нас развитие хозяйства на отрезке между 1861 и 1917 г. можно назвать развитием капитализма, то он, несомненно, приобрел патологический характер, нес в себе свое собственное саморазрушение, которое могло "сработать" еще до того, как капитализм станет на ноги, приобретет зрелую форму. Эффект бумеранга по своему социальному потенциалу оказался в России значительно более мощным социокультурным явлением, чем потенциал капитализма. Игнорировать это обстоятельство значит отказаться от понимания и объяснения реальности динамики России. Рост товарно-денежных отношений может означать не столько укрепление экономического прогресса, рост капитализма, сколько накопление массового дискомфорта, состояния, чреватого взрывом, способного сокрушить этот процесс, вернуть общество, по крайней мере, в тенденции, к исходной точке развития товарно—денежных отношений или резко понизить их масштабы. Собственно это и имело место в России. Поэтому можно сказать, что в определенных условиях втягивание крестьян, да и не только их, в товарно-денежные отношения не увеличивает, но наоборот, уменьшает возможность развития капитализма.

Большевизм до своего прихода к власти, в отличие от других политических партий, в своей ненависти к существующему социальному и политическому строю, был готов опереться на любую силу. Но практически самой мощной силой в стране несопоставимой с другими было многомиллионное крестьянство. Большевизм объединил эту силу, представляющей докапиталистическую оппозицию изменениям, с антикапитали —

стической идеологией, породившей миф о победе в России над капитализмом более прогрессивным строем. Эта идеология пыталось соединить элементы расколотого общества, т.е. докапиталистическое социокультурную основу с попытками модернизации, заимствованием научной и технической базы либеральной цивилизации. Эта утопическая попытка завершилась в конечном итоге восстановлением господства последовательно дорыночных отношений, созданием общества на утопической основе. Это общество на наших глазах потерпело полное банкротство, так как оно оказалось не в состоянии привести свое воспроизводственные потенции, реальные практические возможности в соответствии с растущими потребностями, оказалось не в состоянии воспроизводить необходимые ресурсы.

Эта "тяжелая наследственность" с точки зрения возможности формирования развитого рынка не снимает необходимости продвигаться в этом направлении. Практически нет иного пути преодоления раскола между растущими потребностями и недостаточными практическими возможностями их удовлетворения. Однако было бы опасно недооценивать мощную историческую инерцию, противостоящую этому процессу и несущую угрозу стабильности. Необходима взвешенная оценка расстановки сил в стране, объективно определяющей возможность решения этой задачи. В этой области сделано крайне мало. Тем не менее, необходимо констатировать, что сам по себе крах попытки построить современное хозяйство на основе господства натуральных отношений не привел к шоку, который породил бы в массовом масштабе представление о необходимости личного и непосредственного участия каждого в формировании рынка, дал бы стимул для благожелательного отношения к тем, кто к этому стремился. Сколько бы людей при опросах ни соглашалось с необходимостью рынка, это не может снизить практическое значение того, что нет массового поворота в превращении развитых форм рынка в содержание образа жизни значительной части общества. Газеты постоянно приносят тревожные вести. Например, руководитель малого предприятия, владелец магазина и кафе говорит: "Из ста человек крестьян восемьдесят пять никуда не рвутся. В совхозе пару сотен зарабатывает, субботу воскресенье гуляет, утром — стакан самогона, в обед — стакан, ну а вечером — вовсе как Бог на душу положит... Больше ему ничего не надо. И только у пятнадцати—двадцати из ста осталась предпринимательская жилка. Вот эти люди готовы взять землю, зарабатывать на ней деньги, снова вкладывать в дело и развивать его дальше и дальше... Можно сколько угодно новых законов принять, а психология иждивенчества не даст им работать" (108). Возможно, что эти 15—20% дают некоторое представление о том, на какую поддержку может рассчитывать развитие рынка. Автор, однако, напрасно говорит, что этот процент "остался" от прошлого. Нет оснований полагать, что этот процент людей, склонных к активному предпринимательству, был когда-либо выше. Скорее, наоборот. Например, еще до 1917 года общество страдало от слабой предприимчивости населения. Сегодня речь идет не только о равнодушии, но о прямом сопротивлении развитию рынка. Фермер в Удмуртии отказался назвать журналистам свою фамилию, так как "может случиться большая беда. Хватит того, что хозяйство моего друга сожгли колхозники". И далее авторы пишут: "Таких историй, драматичных, горьких и парадоксальных, сейчас множество. Увы, перемены в деревне нередко

происходят под знаком "красного петуха". Многие крестьяне "вместо того, чтобы сейчас пахать, сеять, продолжают биться за возможность работать на своей земле" (109).

Значение анализа именно крестьянского менталитета сегодня, хотя сегодня крестьяне в меньшинстве, заключается в том, что во-первых, крестьянский менталитет, нацеленный на уравнительность, не преодолен во всем обществе. Глубокие культурные сдвиги следуют автоматически за сменой среды, например, при переезде в город из деревни, тем более, что переселение большой массы крестьян в короткий срок в города привело к тому, "массовый переток сельских жителей в города в двадцатые и особенно в тридцатые годы привел к тому, что примерно в сороковые — шестидесятые годы наши города оказались захваченными вчерашними крестьянами..., естественным следствием этого стал постепенный переход в их руки влияния и власти" (110). Это породило псевдоурбанизацию, т.е. урбанизацию, но без развития соответствующей городской культуры. Во-вторых, в городе, где не сложилось ремесло, где господствует псевдотор — говля, т.е. система распределения дефицита, не создаются благоприятные условия для развития частной инициативы, складываются условия для воспроизводства древних уравнительных ценностей, что не способствует стремлению вписаться в рынок. Здесь следует искать корни многих социологических исследований. Они показывают, что для населения России "характерен неэкономический тип мышления" (111). На прагматическом уровне сознания господствует "осторожность, опасения, надежды на спасительную "заботу" свыше..., большинство советских людей не находят в повышенной активности ничего привлекательного...склонны индивидуальный экономический успех трактовать как несправедливый" (112).

Все это подчеркивает, что история страны уходит, но одновременно она всегда с нами. Тем не менее, эти примеры лишь подчеркивают, игнорируемую реформаторами сторону проблемы. Но есть и другая. Борьба крестьян против наступления товарно-денежных отношений не означала, что они стремились к их полной ликвидации. Всегда существовал некоторый их уровень, который был приемлем и даже необходим крестьянам. Нэп был уступкой этому нажиму в пользу свободы торговли. Однако крестьяне стремились к уровню торговли, ограниченные стремлением сохранить неизблемыми свои социальные отношения общины, сохранить господство в обществе натуральных отношений. Это означает, что проблема рынка есть проблема поиска меры между полюсами оппозиции, точнее динамики меры. Смысл реформы заключается в поиске этой динамики, которая вела бы к решению проблем общества и одновременно имела бы достаточную поддержку.

§ 9. Прогноз динамики страны

Теоретические исследования социокультурной динамики России дают основание для вывода, что основу прогноза этого процесса следует положить представления о российском обществе как промежуточном, как "застрявшем" между двумя основными суперцивилизациями: традиционной и либеральной. Россия, сдав определенные позиции традиционализма в пользу утилитаризма, не смогла пока найти в себе достаточно творческих

сил для перехода к либеральной суперцивилизации (113). Теоретически здесь возможны следующие варианты динамики. Во-первых, возможен возврат общества к традиционной цивилизации. Во-вторых, переход к либеральной суперцивилизации. В-третьих, возможно продолжение динамики общества в рамках промежуточной цивилизации. Возможна также определенная последовательность этих вариантов, например, нахождение в промежуточном состоянии, а затем переход к той или иной суперцивилизации и т.д. Опыт воплощения исторической инерции на протяжении двух периодов динамики общества показывает исключительную устойчивость сложившихся циклов, ограниченную способность людей их преодолеть, например, посредством либеральных реформ. При этом важное значение имеют различия значимых параметров периодов, возможность определенной логики в этих различиях.

На этой методологической основе составлялся прогноз в 1979 г. (т.е. еще на шестом этапе второго периода), который не мог быть опубликован в то время. В его рамках удалось получить оправдавший себя впоследствии вывод, что кризис, резко усилившийся на шестом этапе, "потребуется реформ... Вступление на путь реформ означает поворот к новой — седьмой версии псевдосинкретизма", переход к седьмому этапу. Далее предполагалось, что реформы развяжут силы, ориентированные на локальные ценности, угрожающие существованию государственности. "Отсюда опасность краха седьмой версии псевдосинкретизма, что, если судить по прошлому, может означать конец второго глобального периода, а, возможно, и крах государственности, четвертую в истории страны национальную катастрофу" (114). В этом прогнозе как наиболее вероятный рассматривался вариант динамики в рамках промежуточного состояния, менее вероятный — переход в ограниченные сроки к либеральной цивилизации, возврат к традиционализму рассматривался как наименее вероятный. В фокусе прогноза должно лежать развитие массовой способности увеличивать значимость медиации, на этой основе модифицировать исторически сложившиеся циклы, наращивать элементы развития и прогресса человека, общественного субъекта. Этот процесс можно отслеживать различным образом, в частности, через изменение значимости нравственных идеалов. В этой связи важнейшее значение приобретает рост утилитаризма.

Важность этого процесса заключается в том, что именно этот массовый процесс несет в себе возможность медленного отхода от массового традиционализма, от его элементов, отхода от унаследованного от архаичных форм традиционализма негативного отношения к росту эффективности всех форм воспроизводственной деятельности, к торговле и т.д. Утилитаризм постоянно повышает значимость личности, ориентируя ее на активное стремление не только приспособливаться к условиям, но и приспособливать сами условия к своим ценностям. Утилитаризм в условиях господства традиционализма подтачивает исторически сложившиеся социальные интеграторы общества. Поэтому он может привносить элементы нравственного разложения, быть орудием дестабилизации. Запад преодолел эту опасность тем, что достижения человеческой деятельности, мобилизация энергии рассматривалась не в ее локальной случайной изолированности, но как некоторый элемент общего замысла модели мира, как выполнение воли Бога. Такая основа позволяет создавать общество, госу-

дарство, в котором каждое утилитарное воспроизводственное стремление, по крайней мере, в тенденции, увязывается с некоторой общей гармонией, общим интересом и пользой. Еще задолго до Адама Смита на Западе появился лозунг: "Пусть каждый действует по своему усмотрению". Тем самым предполагалось, что каждый, преследуя свои цели, воплощает некоторый общий интерес, осуществляет всеобщую гармонию. Подобная идея могла зародиться и существовать в определенной социокультурной ситуации, т.е. в условиях достаточно мощных культурных интеграторов, создающих основу для стихийного формирования общего интереса. Однако в обществе, где господствует раскол, эта идея не может быть принята столь же безусловно. В условиях господства монополий на дефицит попытки ее непосредственного лобового осуществления приводят к укреплению монополий, тенденций удушения общества держателями монополии на дефицит. Развитие рынка органически связано с превращением личности в высшую ценность (115). На Западе такое общество выросло из античности, основанной на "свободе собственности и трудолюбии", на "жажде самоутверждения индивида в соревновании с равными себе" (116). Для того, чтобы могли исторически реализовываться предпосылки либеральной цивилизации, для ее утверждения на рубеже нового времени "потребовалась нравственно — религиозная реформация, составляющая целую эпоху в социокультурном развитии Запада". Россия осталась на периферии ареала европейского полисного развития (117).

Можно проследить существование утилитаризма в России, видимо, с XI в., когда среди противоборствующих больших идей—настроений можно выделить стремление к личному благополучию, по возможности, не зависящему ни от Отечества, ни от Власти (118). С ростом утилитаризма в обществе неизбежно усиливается стимулированное расколом противоречие, которое можно рассматривать как основное для России: между ростом потребностей в благах, в потреблении и отставанием потребности в продуктивной творческой воспроизводственной деятельности, адекватной потребности в благах. Усиление этого противоречия приводит к различным формам социальной патологии и угрожает дестабилизацией, социальной катастрофой. Возникновение советского периода в истории страны стимулировалось острым столкновением умеренного утилитаризма, связанного с уравнительностью, со стремлением искать источники ресурсов, не повышая эффективность их производства. Развитый утилитаризм четко ориентирован на связь характеристик собственной деятельности субъекта, их изменений с результатами. Возникновение советской системы было связано с подавлением развитого утилитаризма и торжеством умеренного. Однако его нефункциональность, неспособность удовлетворять растущие потребности стимулировало развитый утилитаризм, как один из ответов общества, на возрастающий дефицит благ. Важным результатом этого процесса является рост особого утилитарного слоя как в городе, так и в деревне. Он сохранил свои соборно — коллективистские ценности, но главным образом в сфере действий, направленных на выжимание благ от власти, от любых инстанций. Но эти ценности исчезали или не складывались в сфере формирования новых форм труда, воспроизводства, конструктивной политической активности. С развитием утилитаризма связано развитие индивидуализма, противостоящего обществу, но одновременно

открывающего определенные ограниченные возможности развитому утилитаризму. Это в свою очередь открывает возможности использования товарно—денежных отношений, манипуляций с деньгами для привлечения уже готовых ресурсов, что можно рассматривать как историческую и логическую предпосылку для массового перехода к развитому утилитаризму, нацеленному на интенсивное воспроизводство. Рост утилитаризма — реальный процесс, хотя и мало изученный. Об этом говорит растущая вовлеченность людей в ручную торговлю. Обращает на себя внимание, что число молодых людей, у которых преобладало положительное отношение к разбогатевшим в последние годы, в 4,2 раза превышает число людей с отрицательным отношением, у "отцов" позитив уравновешен негативом, а у дедов негатив встречается втрое чаще (119). Разумеется, нет гарантии, что молодежь не изменит своей позиции при переходе в более старшие группы, тем не менее, налицо явный сдвиг в нравственной оценке богатства, что подрывает уравнительность, реабилитирует торговлю. Нельзя не обратить внимание также на рост интенсивности труда в частном секторе, что связано с тем, что с его результатами связано личное благосостояние работающих (120). Это существенный признак прогресса утилитаризма.

Масштабы и глубина этого процесса, который еще подлежит изучению, не может рассматриваться как изолированный, но прежде всего в связи с возможностью суперцивилизационного самоопределения общества. Сумеет ли общество преодолеть силы исторической инерции, превратить медиацию в определяющую форму логики не только в хозяйственной сфере — это коренной вопрос прогнозирования. Так как общество вступило в третий период, то эта проблема приобретает реальную конкретно — историческую форму.

Ситуацию первого этапа нового периода, как впрочем, и первого этапа прошлого периода, можно охарактеризовать такими понятиями, как разруха, социальная дистрофия, нравственный упадок и т.д. Для него характерен мощный рывок к локализму. После краха государственности СССР движение по пути хозяйственного и политического распада продолжалось. Локальные сообщества пытались решать свои проблемы, следуя ценностям "суверенизации", т.е. пытались активизировать свою власть над дефицитом, тем самым обескровливая высшие центры власти, лишая их собственной поддержки, доступа к каналам дефицита.

Важным аспектом этого процесса является господство соборно-локалистского идеала, выступающего под прикрытием идеалов либерализма. На основе либеральной лексики люди могут понимать друг друга в большом обществе, обеспечивать его культурную и организационную интеграцию. В расколотом обществе существует постоянная опасность перехода скрытого конфликта между архаичной соборностью и либерализмом в открытый. Борьба происходит между стремлением локализма освободиться от государственности и стремлением реальных либеральных и демократических сил превратить - гибридный соборно-либеральный идеал в либерально-почвенный, т.е. в идеал основанный на возрастающей способности почвенных процессов породить основу для перехода общества к либеральной цивилизации.

Если август 1991 г. показал, что соборные и либеральные силы, советы и демократы могли объединиться против монополии партии на

власть, обанкротившейся системы псевдосинкретизма, то октябрь 1993 г. выявил, что между этими двумя, казалось, слившимися силами возможен вооруженный конфликт. Впервые в истории страны он окончился победой либерализма. После февраля 1917 г. вечевым силам удалось раздавить либерализм, что отрезало всякую возможность движения к либеральной цивилизации, к интеллектуализации, к нравственному прогрессу, к реальной модернизации. Специфика современного этапа, однако повышает возможность движения общества к либеральной суперцивилизации, но не гарантирует его. Опыт истории России говорит, что утвердившийся в начале периода идеал обычно в дальнейшем развитии инверсионным образом замещался другим. Например, соборные институты Киевской Руси, ее "коллективный сюзеренитет" оказались перевернутыми вплоть до крайних форм авторитаризма. Соборная советская власть, господством которой начался второй период, также превратилась в свою противоположность, породив тоталитаризм. Возможность избежать аналогичных процессов в современный период в той или иной степени зависит от способности российского либерализма к внутренней перестройке, к преодолению своего абстрактного романтического характера. Либерализм в условиях господства традиционализма, пронизанного умеренным утилитаризмом должен вести себя иначе, возможно, противоположным образом, чем либералы в странах победившего либерализма (121).

Серьезная опасность, угрожающая российскому либерализму, заключается не только в слабости его собственных почвенных сил, в неумении находить меру своих решений, претендующих на эффективность, но и в том, что нефункциональность массового соборного локализма в большом обществе, его объективная догосударственная природа неизбежно порождает тенденцию к авторитаризму как средству спасти государство. О тенденциях в этом направлении писали с самого начала третьего периода. Это доказывало, что определенная скрытая мутация авторитаризма постоянно присутствовала в обществе, ожидая своего звездного часа. Например, еще в сентябре 1991 г. можно было прочесть: "Наблюдатели считают умеренный авторитаризм в России практически неизбежным и только задаются вопросом, сколь быстро он перерастет из умеренной фазы в неумеренную" (122). Определенная вероятность перехода к господству умеренного авторитаризма определяется прежде всего опасностью не — функциональности сложившегося порядка, его неспособности предотвратить, остановить нарастающую дезорганизацию общества, разруху, хозяйственную деградацию, распад даже собственно России. Ответом на подобный процесс может быть нарастающее стремление передать власть над ресурсами и людьми харизматическому вождю, который сможет "справедливо" распределять ресурсы и железной рукой подавить хаос. Подобная тенденция может иметь место как в центре, так и в регионах. То обстоятельство, что подобное решение может не разрешить проблемы, а, возможно, и еще больше ухудшит ситуацию, само по себе не может быть фактором, который предотвратит иррациональную авторитарную инверсию. Хотя стремиться необходимо именно к формированию механизмов способных предотвращать подобные инверсии.

Опыт возникновения авторитаризма пережитый в России, как впрочем и в других странах, имеет важное методологическое значение для

формирования прогноза. Однако, как и всякая такого рода возможности экстраполяции прошлого опыта, право на это должно быть конкретизировано, обосновано новым материалом. Негативное отношение к самой возможности такой инверсии не может служить основанием для ее игнорирования.

Само содержание авторитарной инверсии в условиях господства либерализма может существенно отличаться от аналогичного события в прошлых периодах. Опыт истории России свидетельствует, что резкий поворот к умеренному авторитаризму, например, установление военного коммунизма стимулировалось, нарастающим ожесточением гражданской войны, массовым стремлением расправиться с носителями "зла". Исторический опыт позволяет сделать вывод, что возникновение авторитаризма в его крайних формах тем более вероятен, чем острее и разрушительнее кровавые столкновения, чем масштабнее уничтожение нравственного, интеллектуального потенциала общества, толкающего к архаичным, примитивным методам принятия решений на всех уровнях. В условиях господства либеральных ценностей выше вероятность вялой инверсии, например, поворота от усиления локализма к интеграции при сохранении сообществами, регионами, значительной доли самостоятельности.

Либерализм как господствующий пласт ценностей в обществе может сохраниться в условиях слабости его почвенных сил, если среди локальных миров останется тенденция к определенному, пусть ограниченному взаимопроникновению, если они не позволят себе утратить это стремление в моменты кризисов. В этом случае либерализм станет организационной и идеологической силой федерализма, сможет утверждать ценности соответствующие сложности реальных проблем, по крайней мере в тенденции. Локализм нуждается в либерализме, так как сам не в состоянии обеспечить управление, интеграцию большим обществом. Это не исключает, что и при этом локализм в большом обществе останется стимулом мафиозности, коррупции. Локализм останется фактором разложения либерализма, сохранения двоевластия, атомизации власти. На это либерализм, если найдет в себе силы, будет стремиться отвечать двумя методами: попытками стимулировать развитие правового государства, гражданского общества, их предпосылок, а также используя методы авторитаризма для воплощения либеральных целей. Возможность авторитаризма и такого типа не исключает его перерождения, стремления сконцентрировать всю мафиозность, всю коррупцию в единой точке общества, т.е. установить на них монополию. Разумеется, подобная тенденция не отвечает духу и сути либерализма. Авторитарный порядок в сложном обществе быстро выявляет свою неустойчивость, но при отсутствии мощных кризисов, вечевого бунта имеет шансы на длительное существование. При этом динамика хозяйства может оказаться в слабой зависимости от политических изменений.

Хозяйственную динамику в России можно описать как движение между полюсами оппозиции "деструктивное воспроизводство — интенсивное воспроизводство". Это движение определяется способностью общества культивировать благоприятные условия для роста масштабов и углубления частной инициативы, экономического творчества, для роста способности преодолевать раскол. Умеренность, медленное наращивание крупниц творческого потенциала, проработка инноваций на всю глубину

общества, отказ от крутых инверсионных поворотов — предпосылка устойчивости.

Если общество сумеет сохранить и усилить свой либеральный потенциал, то это позволит надеяться на максимальное торможение авторитарной инверсии, на возможность избежать кровавых столкновений. Одновременно это создаст предпосылки для борьбы за последовательную либеральную интерпретацию господствующего соборно—либерального идеала, за отказ от его интерпретации как одной из форм древнего венецианского идеала, что и открывает путь антилиберальному авторитаризму.

Стойкий исторический опыт России, свидетельствует о возможности, с одной стороны, борьбы против архаичного авторитаризма, противостоящего либерализму, а с другой стороны, борьбы за углубление почвенной демократической основы либерализации. Современный либерализм, защищающий страну от возврата к архаичным формам авторитаризма, не может не включать в себя и борьбу за интерпретацию авторитаризма. Реальная альтернатива истории заключается не в возможности ослепительного инверсионного сверхпрыжка в некое состояние, которое столь же прекрасно, сколь и утопично. Реальность в современном сложном мире требует при решении сложных проблем завоевывать успех шаг за шагом, постоянно наращивая способности решать сложные проблемы в каждой точке общества, в центрах власти, не питая маниловских надежд на автоматическое возникновение для этого благоприятных условий.

Аналогична ситуация в хозяйственной жизни, которую можно осмыслить через дуальную оппозицию "господство дорыночных отношений — господство развитых рыночных отношений". Она требует от страны не фантастического прыжка от полюса к полюсу, но повседневного поиска меры их соотношения, синтеза этих полюсов, соответствующего реальным возможностям общества, поиска динамики меры, соответствующей росту способности людей формировать более совершенные хозяйственные отношения. Вместе с мерой рынка следует искать и меры разных форм налогов, дотаций и инфляции, которые плохи или хороши не сами по себе, но тогда, когда их отношения друг с другом, с обществом, приводят к дезорганизации. Трудность решения этой задачи исключительна. Без сомнения, что эта мера должна перемещаться в сторону возрастания роли товарно-денежных отношений, значимости рынка. В расколотом обществе эта задача сама приобретает расколотый, разноплановый характер. Один из полюсов этого процесса заключается в развитии самых примитивных уровней рынка, базара, в котором участвуют громадные массы людей. Это создает основу для дальнейшего экономического развития, формирования на основе массового живого платежеспособного спроса более сложных форм рыночных отношений. На эту сферу можно смотреть достаточно оптимистично. Здесь формируется слой людей, у которых система ценностей структурирована стремлением завоевать место в системе рыночных отношений, что объективно стимулирует возможность формировать новые более сложные формы отношений. Другой полюс рыночных отношений связан с попыткой вынудить исторически сложившиеся формы производства, соответствующие сообществу встать на путь рыночных отношений. Реформаторы недооценивают, что все подобные сообщества являются монополиями на дефицит, обладающими мощной способностью сохранить

себя, изошренно видоизменять ее в соответствии с новыми условиями. Практически в специфических российских условиях движение к рынку требует преодоления системы господства монополии на дефицит. Пути решения этой проблемы теоретически не исследованы и реформаторы действуют здесь вслепую. Классическая система монополии на дефицит, сложившаяся в советский период, функционировала в условиях централизованно устанавливаемых цен. Освобождение цен, которое произошло не только и не столько в результате теоретических построений реформаторов, сколько из-за неспособности сложившейся хозяйственной системы воспроизводить и распределять ресурсы в минимально необходимых масштабах, изменило лишь форму монополии на дефицит. Однако свободные цены при одновременных попытках власти подавить Инфляцию ввели в хозяйственную систему чуждый монополии на дефицит элемент, т.е. ограниченность спроса. Это не могло уничтожить господство монополии на дефицит, но заставило искать новые методы ее защиты,"например, инфляцию, как средство развязать спрос, отказ от платежей, как попытку вообще игнорировать денежный фактор и продолжать обмен дефицита на дефицит. Тем не менее, система монополии на дефицит столкнулась с необходимостью считаться с падением спроса и необходимостью оорьбу за потребителя. Практически это означало, что в расколотом обществе выявились ранее скрытые две разрушающие друг друга системы хозяйства: монополия на дефицит, которую советская система пыталась сделать единственной, и рыночные отношения, которые были ранее загнаны в поры общества. Прорыв свободных цен сам по себе был мощным ударом по системе монополии на дефицит. Теперь для своего сохранения она должна была овладеть государством, чтобы вновь получать дотации, компенсирующие неспособность из-за чудовищных издержек и неэффektivности удержать ускользящий спрос. Эта система могла бы быстро разрушиться, если бы в стране существовали предприятия, сформировавшиеся в рыночных условиях и если бы борьба шла на чисто этнической почве. Однако силы реального рынка слишком слабы. Поэтому система монополии на дефицит удержалась, опираясь на социальную мощь своего персонала, например, на шахтеров, чей массовый социальный вес вынуждает за счет громадных бюджетных средств поддерживать добычу угля. Монополии продолжают опираться на дефицит своей продукции, например, производители продовольствия. Отсутствие выбора у потребителя остается специфической чертой хозяйства. Например, "рынок нотариальных услуг абсолютно монополизирован..., не рынок услуг для клиентов, но рынок клиентов для тех, кто якобы оказывает "услугу". Рынок, на котором всегда можно выбрать более денежного просителя" (123). Монополии на дефицит сохраняются, если продолжают получать средства от государства или от беззащитного потребителя, которые за жизненно важные для себя товары, вынужден платить монополистам любые деньги. Часть монополий, которые лишены этих источников, медленно впадают в спячку, консервируются, останавливая производство, отпуская людей в отпуск, ожидая лучших времен. К рынку они перейти часто не могут, так как для этого нужны перестройка производства, снижение издержек, смена персонала.

Сложилась сложная и крайне противоречивая ситуация. Монополии на дефицит вынуждены делать определенные шаги к рынку, т.е. прежде всего стараться идти навстречу платежеспособному спросу. Некоторые продвинулись весьма далеко, Однако преобладают монополии, которые, если они не находят источников ресурсов, скорее погибают, но не превращаются в реальных субъектов рынка. Одновременно существует море рыночных отношений, точнее базар, где миллионы потребителей приобретают потребительские товары, Этот гигантский базар, создающий основу для развития рынка, в какой-то части зависим от монополий, в какой-то части находит свою свободную от монополий нишу.

Будущее хозяйства зависит от способности общества, ставшего на путь свободных цен, подчинить рыночным отношениям некоторую критическую часть монополий, вынудить их подчинить свою деятельность спросу, задаче снижения издержек, что требует не только средств, но изменения ценностной ориентации. На этом пути много препятствий. В укреплении промышленных, сельскохозяйственных, торговых и прочих монополий заинтересованы не только огромные массы занятых на них людей, но и общество в целом, так как они производят необходимый дефицит. Исследование проводимых реформ показывает, что "преобразования проводят субъекты отнюдь не характерные для нормальной рыночной экономики". "Роль государственных чиновников (работников министерств и ведомств, местных органов власти) и народных депутатов оценена как более значимая, чем роль "простого человека" (124). Иначе говоря, частные собственники оцениваются значительно ниже, чем носители монополий, соединяющие хозяйственную и политическую власть. Борьба с монополиями, точнее, замещение их рыночными формами хозяйства, представляется крайне трудным делом, где власть и хозяйство всегда представляли собой нечто синкретическое или тяготели к синкретизму (что во втором периоде приобрело форму псевдосинкретизма). К сожалению, проекты экономических реформ не учитывают специфику монополии на дефицит. В этой связи представляет интерес признание Г.Явлинского, что наша "сверхмонополизированная экономика" — "самая уникальная система, сформировавшаяся за последние 80 лет", что в результате реформы допустили "главный просчет, освободив эту, мафиозную по сути систему в то время, как освобождать нужно было общество от нее" (125). Достоинно удивления, однако, что люди задумали реформировать хозяйство на основе некоторой абстракции либеральных принципов и не заметили совершенно иной, т.е. далекой от либерализма, природы нашего общества.

Монополизм, стремление спрятаться под "крышей" растет из каждой клеточки нашего общества, также как рынок растет из каждой клеточки общества, где господствуют рыночные отношения. Поэтому борьба идет прежде всего не между рыночными и дорыночными отношениями, — она оттеснена на второй план — но между разными формами монополий.

Очевидно, что победа рынка над системой монополии на дефицит не может быть достигнута чисто экономическими средствами, некоторыми "естественными" механизмом, обеспечиваемым свободными ценами и давлением инфляции. Положение усложняется тем, что в действительности

в сложных хозяйственных условиях необходимо не только ограничение и вытеснение твердых монополизмов, но и обеспечения условий для движения капитала. Эта задача требует продуманной государственной хозяйственной политики.

При прогнозировании можно предполагать в обозримом периоде дальнейшее существование расколотого хозяйства, определенного сосуществования и взаиморазрушения двух его форм и медленно растущее осознание этого обществом, выработка некоторой политики преодоления хозяйственного раскола. В ее основе должно лежать ограничение монополизма прежде всего объединенными усилиями немонополизированного хозяйства и законодательства. Невозможно ориентироваться на модели развитого либерального общества, как и на модели хозяйства архаичного синкретического общества в рамках локальных отношений. Реальность России следует искать не в первом, полюсе, как полагают крайние западники, и не во втором, как полагают крайние почвенники, но в некотором меняющемся состоянии, между этими полюсами, что должно изменять культурное содержание каждого из них, усиливать элемент взаимопроникновения.

В основе прогнозирования должны лежать варианты прогноза движения локализма во всех его формах. Есть основание для прогнозирования дальнейшего усиления локализма. Каждое сообщество, предприятие, колхоз и т.д. будут искать выход, опираясь на свой дефицит, по попытку усилить зависимость от себя окружающей социальной среды. Здесь заложена возможность дальнейшей регионализации. Однако выявляются и противоположные тенденции. Обездоленный потребитель захочет искать выход, приобщаясь к некоторой монополии, как мощному держателю дефицита, захочет отойти от локализма, вернуться к максимальной централизации распределения ресурсов в масштабе больших ведомств и регионов, в масштабе страны в целом. Это может создать основу для гибрида архаичного авторитаризма и либерализма, а, вероятно, и для борьбы архаичного авторитаризма против либерализма, против возможности развития почвенного либерализма.

Важно также обратить внимание на то, что все больше выявляются негативные аспекты регионализации, в особенности при решении хозяйственных проблем, для обеспечения политической стабильности, что тормозит дальнейшее углубление локализма на этом уровне.

Возможны запутанные комбинации этих тенденций, их одновременное существование на разных уровнях общества. Одна из возможностей заключается в формировании сверхмощных отраслевых монополий, каждая из которых будет пытаться опереться на определенные регионы, и одновременно через свое лобби в правительстве вести борьбу за жизненно важные ресурсы. На фоне низкой политической активности народа, например, массового неучастия в выборах, эта борьба может стать основным политическим фактором, определяющим содержание судьбоносных для общества решений. Слабая ответственность рядового человека за целое в мирное время позволяет заполнить политический вакуум монополиям и вести борьбу за свои частные интересы, там, где должен иметь место диалог, формирующий общий интерес.

Ни один из вариантов прогноза не может рассматриваться как эффективный и устойчивый, если он не включает возможность преодоления суперцивилизационного раскола общества. Поэтому поиск теоретически эффективного и одновременно реального, т.е. приемлемого для людей, имеющего разумные шансы на реализацию варианта динамики нашего общества, его прогноз остается актуальным.

Специфика расколотого общества заключается в том, что оно стимулировало возникновение явления, которое можно назвать заколдованным кругом. Он превращает социальную энергию, направленную на изменения, на прогресс, на рост медиации в запал энергии другой, как правило, значительно большей части общества, направляемой на защиту своих древних ценностей, образа жизни. Тем самым в обществе, с одной стороны, существует механизм, периодически стимулирующий его идти к либеральной цивилизации, с другой стороны, существует механизм усиливающий активность традиционализма. Между ними складывается разрушительная конфронтация, порождающая дезорганизацию. Отсюда, казалось бы, ведущий к либерализму замысел реформы, приобретает архаичную форму, практически нацеленную не на наращивание ресурсов, а на перераспределение, на потребление ранее накопленного, включая и то, что необходимо для недалекого и отдаленного будущего, например, за счет разрушительного снижения инвестиций, производственных фондов и т.д.

Наиболее перспективной политикой в этой ситуации может быть критическая стабилизация, опирающаяся на хозяйственную инициативу там, где она реально выявляется, включая правовую защиту от монополий и произвола чиновников. Она должна сочетаться с взвешенной гласной государственной поддержкой тех производств, соответствующих проектов, которые могут реально претендовать на то, чтобы остановить процесс исчезновения в обществе добавленной стоимости, сползание к деструктивному воспроизводству, повернуть страну в противоположном направлении. Важнейшим элементом этой политики должно быть развитие необходимой инфраструктуры, стимулирующей эффективную экономическую деятельность, поддержка инициативы каждой личности, мелкого бизнеса, который сегодня, как и часто в прошлом, оказался раздавленным монополиями всех видов, включая государство, раздавленным между преступностью и налоговой службой.

Реальным субъектом стабилизации не может быть государство — монополист всей хозяйственной жизни страны, издающей директивные планы, подлежащие принудительному исполнению. Но им не может быть и изолированная личность, освобожденная от власти государства. Реальным субъектом может быть институционализированный, опирающийся на реальную культуру диалог между государством и личностью, сложная напряженная система сообществ, в которой бы постоянно вырабатывалась реальная программа воспроизводства на всех уровнях. Она должна включать постоянное стремление, сдвинуть фокус этого субъекта к центрам хозяйственной инициативы при сохранении стабильности. Иначе говоря, мера самостоятельности каждого уровня должна постоянно критически переосмысливаться в соответствии с изменяющимися творческими ресурсами общества. Это требует постоянного политического диалога, плюрализма на основе необходимого для преодоления раскола уровня согласия.

Здесь необходима опора не только на либерализм. Необходимо на его основе развивать диалог между традиционализмом и либерализмом, между авторитарными и соборными ценностями. В этой ситуации возрастающую коммуникативную роль может играть утилитаризм, его реальные и потенциальные возможности стимулировать экономическую деятельность.

Этот путь не может быть простым и коротким, и здесь вряд ли можно надеяться на успех, перепрыгивая через необходимые этапы, отдаваясь исторически сложившемуся соблазну видеть в разрушении созидание. Наше будущее не может прогнозироваться лишь через экстраполяцию нашего прошлого, но как результат способности преодолевать его ограниченность на основе массовой выработки новых неутопических конструктивных ценностей, отвечающих предметной сложности современного мира. Необходимо не столько стремление повысить эффективность воспроизводства в рамках сложившихся культурных программ и отношений, сколько стремление решать эту задачу на основе более эффективных условий, средств и целей, на основе углубления решений вплоть до суперцивилизационных масштабов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Надточий Э.* Метафизика "чмока" // Параллели. Вып.2. М., 1991. С.93.
2. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. I. Т. II. Т. III (Социокультурный словарь).
3. *Ахиезер А.С.* Социокультурная динамика России. К методологии исследования // Полис. 1991. N 5.
4. *Ахиезер А.С., Матвеева С.Я.* "Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку..." // Рига. Атмода. 1990. 29 апр.
5. *Матвеева С.Я.* Первый опыт социокультурного словаря // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. С. XII.
6. *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 288.
7. *Ахиезер А.С.* Россия: критика...т.Ш, с.118-119, 186-187.
8. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983. С.206.
9. *Матвеева С.Я.* Указ.раб. С.VIII.
10. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж. Массачусетс. 1980. С.42, 70.
11. *Романов Л.Н.* Культурологические аспекты крещения Руси // Религии мира. Ежегодник. 1987. М., 1989. С. 181-182.
12. *Аксаков К.С.* Поли. собр. соч. Т.1. М., 1889. С.242, 245;
13. *Хомяков А.С.* Полн.собр.соч. Т.3. М., 1914. С.282.
14. *Мануйлов В.И.* Политическая реформа в России: провинциальное измерение // Земство. Архив провинциальной истории России. Пенза, 1994. № 2, С.9.
15. *Ключевский В.О.* Соч. Т.Н. М., 1957. С.383.
16. *Фрейденоберг О.* Миф и литература древности. М., 1978. С.25, 31.
17. *Ахаезер А.С.* Россия: критика ... Т.Ш.С.42-43, 163, 406, 49,344,161,162.
18. *Матвеева С.Я.* Философский анализ социокультурной динамики России // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.Ш. М., 1991. С.15.

19. Ахиезер А.С. Россия: критика... Т.Ш.С.51.54.
20. Пайтс Р. Россия при старом режиме.С.61, 85.
21. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С.296-297.
22. Ахиезер А.С. Россия: критика...т. I, с.314
23. Матвеева С.Я. Первый опыт социокультурного словаря. С.XXXIV.
24. Козлова И.И. От авторитаризма к тоталитаризму: механизм перехода // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С.227.
25. См.Иванова Н. О прекрасной сложности и простоте, которая хуже воровства // Независимая газета. 1991. 18 сент. С.8.
26. Сталин И. Политический отчет ЦК ХГУ Съезду ВКП(б) 18 декабря 1925 г. М., 1952.
27. Карр Э. История советской России. М., 1991. Кн.Т.1 С.436.
28. Федотов Г. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С.98.
29. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях "военного коммунизма". М., 1988. С.3.
30. Федотова В.Г. "Тот" ли человек Сивков? (Научное и ненаучное знание о субъекте социальной деятельности) // Научные и ненаучные формы социального познания (теоретические и практически—духовные формы освоения деятельности). М., 1987. С.99,113.
31. Ахиезер А.С. Идеология — предмет науки, наука — элемент идеологии // Общественные науки и современность, 19917 N 1.
32. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.Ш.С.227.
33. Ленин В.И. Поли. собр. соч. 5 изд. Т.35. С.57.
34. Боффа Д. История Советского Союза. М., 1990.Т.1. С.72-73.
35. Ленин В.И. Поли.собр.соч. Т.33. С.41.
36. Авторханов А. Ленин в судьбах России // Новый мир. 1991. № 1. С. 178.
37. Ленин В.И. Поли.собр.соч. Т.6. С.39.
38. Ахиезер А.С. Какой рынок нам нужен? // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 8.
39. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.Ш.С.462.
40. Карр Э. История советской России. С.436.
41. Например, Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России, М., 1919.С.17.
42. Ахиезер А.С., Гольц Г.Л. Критические пороги социальных систем // Общественные науки и современность. 1992, N 1.
43. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России 1783-1883. М., 1986. С.38-39
44. Иванов А.В., Лоскутов В.А. Сталинщина и сталинизм: восхождение по кругам отчуждения // Марксизм и Россия. 1990. С. 82 — 83.
45. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.191.
46. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С.194.
47. Фридман М. Наша финансовая система. СПб., 1905. С.9.
48. Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования. // Полис. 1991. N 5.
49. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.36. С.199.
50. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.Ш.С.170.
51. Там же. Т.Ш. С.28.285.

52. Алексеев С. Ставка слишком велика! // Известия. 1991, 12 янв.
53. Киселев С. Луганск отделяется // Лит. газета. 1990. 31 окт.
54. Поспелов Ю., Тверина В., Титов В. Президиум ВС РСФСР: открытие и закрытие сибирских республиканских месторождений // Коммерсанта. 1991. 29 июля - 5 авг. С.10.
55. Бинкин Б., Огнев И. От Троцкого к Адаму Смиту? // Известия. 1991, 15 июня.
56. Колесников А. Возникают структуры параллельного управления // Российские вести. 1994. 10 июня. С.2.
57. Белозерцев А. Производство и потребление зерна в России // Финансовые известия. 1994. 21 — 27 апреля. CVIII.
58. Известия. 1990. 20 янв.
59. Попова С. Система доносительства // Независимая газета. 1994. 26 мая. С. 8.
60. Агурский М. У истоков национал — большевизма // Минувшее. Исторический альманах. Вып.4. М., 1991. С.147.
61. Фомин С. Сергей Залыгин: Не надо без конца размышлять, что такое Россия // Сегодня. 1994. 23 марта. С.9.
62. Рейтенфельдс Я. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С.147.
63. Ахиезер А. Специфика исторического пути России // Россия / Russia. Турин, 1993. N 8.
64. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С.42, 47, 87, 102, 125, 166, 174, 237, 330-331.
65. Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Новый мир. 1991, N 1. С.5.
66. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.271.
67. Куницын Г.Н. Русская община и ее роль в формировании национального характера // Русская нация и обновление общества. М., 1990. С.80.
68. Седов А.Л. К истокам авторитарного сознания (историко — культурологический этюд) // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 194.
69. Русское православие: вехи и истории. М., 1989. С.566.
70. Корелин А.П. Сергей Юльевич Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 18—19.
71. Наше отечество. Опыт политической истории. Т.2. М., 1991. С.40 — 41.
72. Ахиезер А.С., Матвеева С.Я. "Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку..".
73. Подберезовский И.В. Россия: из Европы в Азию и обратно // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1991. N 3. С.26.
74. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.III.С.273 — 279.
75. Богачев В. Увековечить стагфляцию? // Вопросы экономики. 1991. N 1. С.8.
76. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. ТЛИ. С.228,
77. Ясин Е. Когда в стране конфликты, "ночные сторожа" не спят // Российские вести. 1994. 6 апреля. С. 7,
78. Из архива А.П.Чехова. Публикации. М., 1960. С.36.
79. Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн.2. М., 1990. С.54 и сл.

-
80. Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 31-32.
81. Павлов И. О русском уме // Лит. газета. 1991. 31 июля.
82. О так называемой "внутриармейской оппозиции 1928 года" // Известия ЦК КПСС. 1991. N 3.
83. Матуковский И. "Дворцовый переворот" в Минске // Известия. 1991. 11 июня.
84. Скосырев В., Юсин М. Маргарет Тэтчер не имеет ничего общего с советскими консерваторами // Известия. 1991, 28 мая.
85. Ольсевич Ю. Неизбежен ли кризис? // Огонек. 1990. N 8.
86. Россе Ф. Возможны варианты // Московские новости. 1991. 23 июля.
87. Ахиезер АС. Дебри неправды и метафизика истины // Общественные науки и современность. 1991. N 5.
88. Лужков Ю. Год у власти без власти // Столица. 1991. N 19.
89. Толочко А.П. Князь в древней Руси: власть, собственность, идеология, Киев, 1992. С.22, 30.
90. Пайнс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917 — 1918 гг.) // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 3. 1991. С.87.
91. Там же. С.82.
92. Федотов Г.Я. И есть и будет. Париж. 1932. С.28.
93. Покровский М. Местное самоуправление в древней Руси // Мелкая земская единица. Вып.1. СПб., Б.г. С.199.
94. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Т.1 С.67.
95. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т.П. М., 1958. С.331.
96. Витте С.Ю. Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. СПб., 1912. С.52.
97. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919. С.168.
98. Ротванд С. По поводу государственной росписи на 1909 // Промышленность и торговля. СПб., 1909 г. N 11. С.652.
99. Покровский М. Местное самоуправление... С.224.
100. Вениаминов П. Крестьянская община (Что она такое, к чему идет, что дает и что может дать России?) Б.м., 1908.
101. Максудов С. (сост.). Неуслышанные голоса. Документы смоленского архива, Кн.1.1929. Кулаки и партийцы. Мичиган, 1987.С.23.
102. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850—1880. М., 1978. С. 173-174.
103. Соловьев Э.Ю. Эпоха ранних буржуазных революций и моральная философия И.Канта // Дисс. в форме научного доклада ... докт. философ, наук. М., 1991. С.22.
104. Тарновский К.М. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии. Конец 1930-х — первая половина 1950-х гг. // Истор. зап. 1969. Т. 83. С.209.
105. Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX — начало XX вв.) // Истор. зап. 1980. N 105. С. 145-147.
106. Донгаров А.Г. Иностраный капитал в России и СССР. М., 1990. С.6.
107. Там же. С.31.

-
108. Федорин А. Выступление на "круглом столе" // Московские новости. 1991. 7 апр. N 14.
109. Коновалов В., Сабиров А. Земельный передел // Известия. 1991. 17 апр.
110. Вишневский А.Г. Бурги без буржуа // Знамя. N 3. С. 174.
111. Тихонова Н.Е. Зависимость взглядов и поведения от ценностных ориентации // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 141.
112. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв.ред. Ю.Левада. М., 1993. С.45,52, 59.
113. Ахиезер А.С. Прогнозирование социокультурной динамики России; вопросы методологии и некоторые результаты // Проблемы прогнозирования. 1993. N 5.
114. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.I. С.300,301.
115. Ахиезер А.С, Матвеева С.Я. Гуманизм как элемент культуры // Общественные науки и современность. 1990, N 2.
116. Драгунский Д.В., Цымбульский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. 1991. N 1.
117. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. С.349.
118. Кузьмин А.Г. "Мудрость бога велика есть..." // Златоуст. Древняя Русь X-XII веков. М., 1990.С.15-16.
119. Дубов Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1994. N 2. С. 19.
120. Космарский В.Л. Трудовая мотивация // Там же, 1993. N 2. С.25.
121. Матвеева С.Я. Консервативный либерализм в современной России // Общественные науки и современность. 1993. N 2.
122. Злотин Л., Соколов М. Российские органы власти: когда нас всех пошлет товарищ Ельцин // Коммерсанты 1991. 8— 16 сент.
123. Савватеева И. Рынок жилья: тот не продает, кто не рискует... жизнью // Известия. 1994. 12 августа. С.4.
124. Рывкина Р.В. Кто сильнее всего влияет на ход экономического развития? // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. М., 1993. N 2. С.17.
125. Хамраев В. Григорий Явлинский анализирует просчеты реформ // Сегодня 1994. 8 июня. С.2.